

A romantic scene between a woman and a man in a medieval setting. The woman, with long, wavy brown hair, is wearing a green dress with a white apron and a measuring tape around her waist. She is looking over her shoulder at the man. The man, with dark, wavy hair, is wearing a dark, ornate jacket with a measuring tape around his waist. He is looking at the woman. They are in a room with a large window showing a castle and a dragon in the background. The room is filled with sewing tools and fabrics.

Лиана Вейл

Швея
на отборе
дракона.
Я вам не невеста!

Лиана Вейл

**Швея на отборе дракона.
Я вам не невеста!**

«Автор»

2026

Вейл Л.

Швея на отборе дракона. Я вам не невеста! / Л. Вейл — «Автор»,
2026

Я приехала во дворец шить платья невестам дракона. Но стоило отложить иглу, как меня объявили шестой участницей отбора. Даже моя подпись нашлась! Очень удобно. Особенно если забыть, что согласия я не давала. Для придворных я выскочка, начальница требует не позорить двор, а герцог подозревает, что я нарочно устроила скандал. Да мне нужны деньги на лечение матери, а не дракон в мужья! Только первая же примерка его камзола заканчивается приступом. Под дорогим сукном тлеет подкладка, а мужчина, которого все считают опасным, едва справляется с болью. Я могу попробовать ему помочь. Если меня допустят дальше чужих свадебных подолов. Вот только чем чаще я прихожу с иглками и мерной лентой, тем труднее убедить себя, что мне нужен лишь этот заказ. И кому-то очень не нравится, что обычная швея лезет туда, где решают судьбу дракона. Простите, ваша светлость. У меня договор на пошив. На сердце я ничего не подписывала. Однотомник. Хэппи-энд.

© Вейл Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шестая невеста	5
Глава 2. Жених, которому нечего надеть	12
Глава 3. Невесты, ножницы и чужие правила	19
Глава 4. Я вам не невеста	25
Глава 5. Платье для соперницы	31
Глава 6. Ночные примерки	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лиана Вейл

Швея на отборе дракона. Я вам не невеста!

Глава 1. Шестая невеста

Крючок держался на двух стежках, и оба были сделаны так, будто швею отвлекли на самом интересном месте. Я подцепила нитку ногтем, вытащила из рта иглу и велела девушке повернуться к свету. За резной ширмой уже собирались гости, а Кларисса Крейс дёргала плечом, мешая мне попасть в прежний прокол. Кто-то потратил неделю на жемчужины, покрывавшие её платье, и сэкономил полминуты на застёжке.

— Вы меня колете, — сказала Кларисса, хотя до кожи я ещё не добралась. — Мне обещали, что всё будет готово к приезду.

— Так и было бы, если бы крючок пришили чуть дальше. Дайте мне руку. Нет, правую. Подержите здесь ткань, иначе я затяну её вместе с подкладкой.

Она посмотрела на собственные пальцы, словно я предложила ими вымыть пол. Пришлось позвать Лею, стоявшую рядом с открытой коробкой. Девушка подала ножницы, прижала край застёжки, и я сделала ещё два стежка. Теперь при повороте платье не собиралось под мышкой: Кларисса могла поднимать руку и обнимать будущего жениха, ради которого, вероятно, и заказала этот дорогой наряд.

— Посмотрите, — я отступила, освобождая ей место перед зеркалом. — Если будет тянуть, скажите сейчас. Потом придётся снимать платье.

— Разве оно может тянуть после вашей работы?

— Может. Вы сейчас стоите, а в зале будете ходить и садиться. Я не умею угадывать по спине, удобно ли вам.

Кларисса посмотрела на меня через зеркало, но всё-таки подняла руки. Медные локоны качнулись над голыми плечами; в одной пряди запутался край жемчужной сетки. Я удержалась от желания поправить его. Для волос здесь имелась отдельная женщина, успевшая велеть мне убрать сумку: коричневая кожа не сочеталась с обивкой.

— Иветта, — позвала Кларисса. — Подойдите. Я готова?

Начальница придворной мастерской вышла из-за второй ширмы с булавками, воткнувшими в бархатную подушечку на запястье. На ней самой не было ни складки, ни случайной нитки: тёмно-синее платье, воротник с тонкой вышивкой, золотая цепочка дорогих очков. Она осмотрела застёжку поверх оправы, провела пальцем по краю и поправила складку, которую Кларисса успела смять локтем.

— Прекрасно. Нелла, спрячьте инструменты. Лея, помоги леди с перчатками.

Я обрезала нитку и положила ножницы в сумку. Дочь аптекаря сидела возле окна и испуганно смотрела на дверь. Утром она спросила, возьмут ли с неё деньги за ткань, если станет дурно во время знакомства. Я пообещала, что мы успеем снять платье. Это утешило её больше слов Иветты о чести, оказанной ремесленным семьям.

Сегодня у служебных ворот Янтарного дворца потребовали оставить ножницы. Я предложила стражнику разрезать ткань зубами. Он не оценил предложения, зато вышедшая за мной Иветта велела вернуть инструменты. В мастерской мне показали стол у окна, кровать для приезжих работниц и пять нарядов, которые требовалось довести до ума к вечеру. На кровать я успела взглянуть с благодарностью, после чего села подшивать подол.

За четыре недели мне обещали столько, сколько дома я зарабатывала с конца зимы до осенних дождей. Мы с матерью дважды перечитали письмо, проверяя, кто платит за материалы и возвращают ли аванс в случае болезни. Агата Вейс могла не попасть иглой в ушко с первого

раза, зато лишние расходы замечала сразу. После травмы она особенно не любила, когда кто-нибудь говорил, что деньги не главное.

— Главное, — возразила она и подтолкнула ко мне письмо здоровой рукой. — Только твоя голова всё-таки дороже. Если там попросят делать глупость, не соглашайся за лишнюю сотню.

Мне казалось, что худшим испытанием будет женщина, которая захочет выглядеть на двадцать лет моложе и обвинит в неудаче мой крой. Дома остались лекарские счета, недоплаченная аренда и две заказчицы, согласившиеся подождать. Перед уходом я проверила воду возле материнской кровати и отнесла уголь в кухню, хотя она сердито напомнила, что не разучилась ходить.

— Нелла, фартук, — негромко сказала Иветта, проходя мимо. — И волосы. Здесь не лавка на углу.

Я сняла с фартука белую нитку, но развязывать его не стала: до конца вечера кому-нибудь ещё понадобятся мои руки. Из-за ширмы донеслось покашливание, затем два удара жезла. Лея захлопнула коробку, а Кларисса расправила плечи, теперь уже не чувствуя натяжения ткани.

— Его светлость прибыл, — шепнула Лея так, будто это касалось лично нас с ней. — Он сегодня вышел из своих комнат.

— Он не каждый день выходит?

— Я не знаю. В мастерской говорят всякое. Ты же слышала про переход?

Я слышала. В Мерлене трудно было не услышать про аварию, после которой у реки три дня пахло гарью. Говорили, герцог Дорн вытащил из разрушенных ворот несколько человек, а потом сам не смог покинуть лечебную палату. Позже рассказы изменились: вместо ожогов появилось проклятие, вместо лекаря — закрытая дверь, за которой будто бы держали цепями обезумевшего дракона. Человек, заказавший у нас зимний жилет, утверждал, что знает одного из дворцовых истопников. Жилет он хотел в долг, поэтому к его сведениям я отнеслась без особого доверия.

— Нелла, тише, — Иветта вернулась к нам и встала у края ширмы. — Сейчас представление. Никому не мешайте.

За резным краем я видела мужскую ладонь на подлокотнике. Пальцы сжались и разжались. Иветта отступила на полшага, и я успела разглядеть герцога до того, как гости заслонили его спинами: тёмноволосого, широкоплечего, моложе, чем я представляла. На нём был чёрный камзол с жёсткой серебряной отделкой. Даже отсюда было заметно, что ворот давит ему под челюстью.

— Леди Одри Летт, дочь виконта Летта, — объявил распорядитель.

У девушки в светло-зелёном платье задрожали ленты на рукаве. Она прошла в зал. Следом назвали Сабину Мор, потом Розалин Фер. Розалин одёрнула манжету, которую я утром подшила, и кивнула мне. Белокурая, прямая, в голубом платье, она выглядела спокойнее остальных. Я знала о ней лишь то, что она не спорила с каждой булавкой и поблагодарила за возвращённые перчатки.

Миру Сенн пришлось подтолкнуть взглядом. Дочь аптекаря вдохнула слишком глубоко, прижала ладонь к животу и вышла. Иветта отпустила локоть Клариссы, проверила последний раз её спину и отступила. Имя дочери графа прозвучало заметно громче предыдущих, или в зале просто стало тише. Пока она проходила, я подобрала обронённую перчаточную пуговицу и сунула в карман: если найдётся хозяйка, не придётся искать другую.

— Нелла Вейс, дочь мастерицы Агаты Вейс, — произнёс распорядитель. — Шестая участница отбора.

Я ещё смотрела на карман, куда убрала пуговицу. До меня не сразу дошло, что говорить перестали все, включая Лею. Я подняла голову. Иветта стояла совсем близко, а за ширмой кто-то повторил мою фамилию уже без всякой торжественности.

— Не сейчас, — сказала начальница мастерской. — Выйдите. Мы разберёмся после церемонии.

— Он назвал меня.

— Я слышала.

— Какую участницу? Я здесь работаю.

Иветта взяла меня за запястье. Пальцы легли прямо на маленький старый ожог у основания большого пальца. Мне захотелось отдёрнуть руку, но рядом открыли створку ширмы, и распорядитель оказался перед нами: худой пожилой мужчина с жезлом и листом, перевязанным золотым шнуром. Он посмотрел на мой фартук, потом на Иветту. Пока он молчал, я успела увидеть сквозь открывшийся проход пять девушек перед герцогским креслом. Ни шестой, ни женщины с похожим именем среди них не было.

— Госпожа Вейс? — уточнил он.

— Да. Но вы ошиблись.

— Имя и происхождение указаны в списке.

— Значит, ошибка в списке. Я приглашённая швея.

Иветта сжала мою руку сильнее и повернулась к распорядителю с улыбкой, которой за всё утро мне не досталось ни разу.

— Мастерница не привыкла к торжественным мероприятиям. Дайте нам минуту.

Мужчина отступил, прикрывая нас створкой, хотя по тишине снаружи было понятно: желающих слушать хватало. Я потянула запястье на себя. Иветта отпустила, но тут же загородила дорогу к столу, где лежала моя сумка. Очки блеснули так, что за стёклами на секунду исчезли её глаза.

— Послушайте меня внимательно. Выйдите, сделайте поклон и встаньте с остальными. Вы не обязаны давать ответ сегодня. После приёма поднимем бумаги и проверим, что произошло.

— Зачем мне вставать с остальными, если я не собиралась на отбор?

— Затем, чтобы не портить мероприятие. Ваше приглашение оформлялось через мой отдел. Думаете, после публичного скандала мне удастся оставить вас в мастерской?

Сумка стояла под столом. Утром мать положила туда два яблока в чистом полотенце и попросила не покупать еду по дворцовым ценам. Одно мы с Леей съели на двоих. Я могла собрать инструменты и уйти, но вообразила, как скажу дома, что заказ сорвался из-за списка, которого я даже не видела.

— Я не стану орать, — ответила я. — И платье никому не испорчу. Но если я выйду к нему, то скажу, зачем приехала.

— Нелла, это не ваш рабочий стол, где можно рассуждать вслух. Здесь существуют правила.

— Вот и объясните, какое из них сделало меня невестой, пока я пришивала крючок.

Снаружи кто-то кашлянул. Иветта чуть повернула голову, и хватило этого движения, чтобы я прошла мимо. За спиной Лея тихо произнесла моё имя, но возвращаться уже было поздно: распорядитель снова отворил ширму, и несколько десятков человек посмотрели на меня одновременно.

В зале было жарче, чем за ширмой. Возле кресла герцога стояли две огромные вазы с белыми цветами; сладкий запах лез в нос, и я подумала, что после этого вечера долго не захочу видеть ни одного такого букета. Пять участниц повернулись ко мне. У Миры Сенн на лице отразилось облегчение: нашлась женщина, которая выглядела здесь ещё неуместнее её. Кла-

рисса посмотрела на фартук и поджала губы. Розалин отодвинулась, освобождая мне место в ряду, но я остановилась раньше, у края ковра.

Я присела в поклоне, поморщившись от боли в спине: с утра несколько раз приходилось сидеть на полу у чужого подола. Мать научила меня прилично здороваться после того, как заказчица полчаса объясняла, что у меня дурные манеры, и забыла заплатить за рукав. Я поднялась, не цепляясь за фартук.

— Ваша светлость, произошла ошибка. Меня пригласили работать в придворной мастерской. Я не подавала просьбу об участии в отборе.

Вблизи герцог оказался бледнее. Правый локоть он держал немного в стороне, будто камзол мешал опустить руку. Тонкая перчатка покрывала только левую ладонь; на правой виднелись красноватые пятна у костяшек. Он не торопился отвечать, и хотелось объяснить всё заново. Я удержалась.

— Госпожа Вейс? — повторил он.

— Да.

Герцог перевёл взгляд на рыжеволосого мужчину, стоявшего возле кресла. Тот шагнул к распорядителю и взял у него список. Из-за спин гостей вышла Иветта, остановилась в нескольких шагах от меня. На запястье у неё по-прежнему были булавки. Я почему-то смотрела на них: если приходилось разбираться с начальницей, привычные рабочие вещи рядом немного помогали.

— В приглашении было сказано, что я буду готовить наряды к церемониям, — продолжила я. — Я приехала сегодня утром. Ваша мастерская выдала мне работу. До этой минуты никто не называл меня участницей.

— Госпожа Сар? — герцог обратился к Иветте.

— Нелла действительно прибыла для работы. У девушек из ремесленных семей бывают практические обязанности при дворе. Возможно, она не вполне поняла условия.

Я повернулась к ней так резко, что коса ударила по спине.

— Я поняла условия. Мы их обсуждали в вашем кабинете.

— Нелла, не нужно перебивать.

— Мне нужно знать, о каких условиях вы сейчас говорите. У меня договор на пошив и переделку одежды. Вы даже велели привезти свои ножницы, потому что работницам со стороны инструменты не выдаются.

В первом ряду кто-то хмыкнул. Кларисса уставилась на цветы, а рыжеволосый мужчина посмотрел поверх списка на мои руки. На большом пальце осталась нитка, которую я зажала, прежде чем выйти. Я сняла её и сунула в карман.

— Томас, — сказал герцог, — заявки.

Мужчина направился к столу возле дальней стены. Из боковой двери появился слуга с подносом, на котором лежал тёмный футляр. Герцог качнул головой, и слуга ушёл. Я заметила маленькую чашу с водой справа от кресла. К ней он не притронулся.

— Работа в мастерской не препятствует участию, — произнёс мужчина из первого ряда. У него была короткая седая борода и очень чистые белые перчатки. — Его величество пожелал дать возможность достойным девушкам независимо от происхождения. Моя дочь была рада узнать, что здесь будут представлены и ремесленные семьи.

Кларисса повернула голову к нему. Граф Крейс, решила я. Лицо я видела впервые, зато имя слышала за день столько раз, что уже могла бы вышить его с закрытыми глазами.

— Я не спорю с возможностью, — ответила я. — Но меня о ней не спрашивали.

— Возможно, вы смущены.

— Да, немного. Меня вывели в зал без предупреждения и предложили выйти замуж. Причины есть.

Кто-то снова засмеялся, но герцог не улыбнулся. Глаза у него были серые, с янтарным ободком возле зрачка; я бы задержалась на них дольше, если бы разговор шёл о другом. Сейчас меня интересовало, поверил ли он хоть одному слову. Его пальцы надавили на край кресла.

— Вы решили отказаться до начала знакомства? — спросил он.

— От участия, да.

— Сегодня от вас не требуют решения о браке.

— А я не хочу, чтобы потом выяснилось, будто мой поклон означал согласие.

— Поклон означает, что вы умеете здороваться. Этого у вас никто не отнимет.

Я невольно выдохнула, но он добавил:

— Если вы хотели добиться отдельного разговора, вы его добились. Не стоило ради этого останавливать церемонию.

Я прикусила щёку. Хотелось спросить, как следовало вести себя человеку, чьё имя только что объявили перед всем залом. Но здесь оставались мой заказ и деньги на лекарства, которые нужно было привезти матери.

— Я могла остаться за ширмой, — сказала я. — Но ваше представление остановилось бы в любом случае. Я не делала этого для разговора с вами.

Томас вернулся с папкой. Герцог взял верхний лист, просмотрел его и нахмурился. Потом посмотрел на меня уже иначе, хотя лучше от этого не стало. Он повернул бумагу, но держал её слишком далеко, и я увидела лишь строчки под гербовой печатью.

— Ваше имя, возраст, адрес мастерской. Отметка о ремесленном даре. И подпись. Вы утверждаете, что не подавали заявку?

— Утверждаю. Покажите мне её.

— После церемонии.

— Ваша светлость, это займёт меньше времени, чем мы уже потратили.

Иветта едва слышно произнесла моё имя. За спиной кто-то зашуршал юбкой. Герцог задержал на мне взгляд, затем положил лист на папку и протянул её Томасу. Мужчина принял бумаги обеими руками. Я ожидала, что меня выведут наружу; вместо этого он подошёл ко мне и негромко предложил перейти в соседнюю комнату.

— Мы закончим представление, — сказал Лукас Дорн, обращаясь ко всему залу. — Госпожа Вейс подождёт, пока мы проверим документы. Продолжайте, пожалуйста.

Распорядитель поднял жезл, граф Крейс отступил к гостям. У порога я оглянулась на ширму: нужно было попросить Лею принести сумку. Девушка уже держала её за обе ручки. Увидев, что я смотрю, быстро кивнула.

В соседней комнате пахло чернилами и сухим деревом. Я села на стул у длинного стола. Колени дрожали, прикушенная щека саднила, а в животе было неприятно пусто. Хотелось пить, но я не сразу смогла попросить.

Томас положил папку на стол, но не открыл её. Он представился управляющим герцога, предложил воды и спросил, где находится моё приглашение. Я объяснила, что в сумке. Мужчина подошёл к двери, негромко поговорил с кем-то снаружи, и через минуту впустил Лею. Та поставила сумку у моих ног, глянула на папку и принялась перебирать цепочку от воротника, пока я искала конверт.

— Спасибо, — сказала я, доставая письмо. — Ты не оставила коробку открытой?

— Нет. И твои ножницы внутри. Я сама положила.

Я хотела спросить её, слышала ли она о шестой участнице до сегодняшнего вечера, но Томас уже взял приглашение. Лея постояла ещё немного, потом вышла, придерживая дверную

ручку, чтобы та не щёлкнула. На столе остались письмо и папка. Управляющий сверил печать, прочёл текст и попросил меня рассказать, когда я получила заказ.

— Шесть дней назад пришёл посыльный, — ответила я. — Мать приняла письмо, потому что я была в красильне. Позавчера я приезжала сюда обсудить оплату. Госпожа Сар показала мне образцы, спросила, работаю ли я с укрепляющими пропитками, и велела принести свидетельство гильдии.

— Оценку вашего дара проводили?

— У гильдии есть моя запись. Я принесла выписку вместе со свидетельством. Для дворцового заказа без неё не берут.

Томас кивнул и положил письмо рядом с папкой. За стеной играли музыканты; я старалась по шагам возле двери понять, долго ли ещё будет идти церемония. Расправила плечи и расстегнула верхнюю пуговицу своего платья, пока управляющий смотрел в бумаги.

— За четыре недели во дворце вы готовы оставить собственную мастерскую? — спросил Томас.

— Там остаётся мать.

— В приглашении говорится о полном рабочем дне.

— Я читала.

Я провела ладонью по карману, нащупала пуговицу. Кто-то из девушек уже наверняка заметил пропажу. Хотелось вернуться за ширму, закончить работу и получить ужин. Если бы Томас нашёл ошибку, мне хватило бы разрешения вернуться к своему столу.

Дверь открылась, и герцог вошёл без Иветты. Томас сразу поднялся. Я тоже встала, хотя ноги ещё не вполне слушались, и заметила на камзоле Лукаса матовую полосу под левой рукой. Так выглядит ткань, которую слишком часто утюжат через влажную подкладку. Он остановился у противоположного края стола, не сел, только опёрся пальцами на спинку стула. Вошедший за ним слуга поставил на стол чашу и тот самый тёмный футляр, который я видела в зале.

— Не нужно стоять, — сказал герцог. — Томас, письмо?

Управляющий протянул ему приглашение. Лукас прочёл его, затем положил обратно и взглянул на папку.

— Здесь действительно говорится о работе.

— Да.

— Заявку это не отменяет.

Я снова села. Он остался стоять, и разговаривать снизу вверх было неудобно, но спорить ещё и о стуле я не собиралась.

— Можно её увидеть? Я третий раз прошу. Вы говорите о бумаге, которую прочли все, кроме человека, подписавшего её.

Лукас подтянул к себе папку и вынул лист. Когда он положил его передо мной, я сразу посмотрела вниз, на подпись, но ладонь герцога всё ещё закрывала правый угол. От его кожи исходило заметное тепло. Я отодвинула руки, чтобы не задеть чужие пальцы, и он убрал ладонь, словно только сейчас вспомнил, что мешает.

«Прошу допустить меня, Неллу Вейс, к участию в выборе супруги его светлости герцога Дорна...» Я прочла первую строчку, потом следующую. Адрес был верным, возраст тоже. Указали гильдейскую ступень, а ниже стояло подтверждение, что я знакома с условиями проживания во дворце. Пришлось начать сначала, медленнее: никак не удавалось понять, как мои сведения оказались под просьбой найти мне мужа.

— Подпись ваша? — спросил герцог.

Он ждал короткого ответа. Я знала, как выгляжу: подняла шум, требовала бумаги, а теперь молча смотрела на ровно написанный текст. Признать подпись означало подтвердить его подозрения. Назвать чужой я не могла.

Я наклонилась к листу. В фамилии нижний хвост последней буквы уходил в сторону: я торопилась и так испортила её ещё в шестнадцать лет, расписываясь в первой гильдейской книге. Потом привыкла. Здесь была та же черта, тот же слишком тесный промежуток между именем и фамилией, даже маленькая клякса там, где перо задержалось. Я помнила эту кляксу. Когда ставила подпись позавчера, мне пришлось приподнять рукав, чтобы не размазать чернила манжетой.

— Да, моя, — сказала я и подняла глаза на Лукаса. Он уже собирался что-то ответить, но я положила пальцы на нижний край бумаги, удерживая лист перед собой. — Только я подписывала договор на работу. За столом госпожи Сар, после того как мы согласовали оплату. Там не было ни слова об отборе. Я бы запомнила, если бы мне предложили мужа вместо денег.

Глава 2. Жених, которому нечего надеть

Лукас потянул лист к себе, но я не сразу убрала руку. Стоило отпустить бумагу, и она снова оказалась бы в папке, а я — девушкой, которая сначала подписала просьбу о замужестве, потом устроила представление. Томас смотрел на нас обоих. За стеной заиграли что-то быстрое, с назойливым звоном; мне захотелось, чтобы музыканты хоть ненадолго замолчали.

— Договор у вас? — спросил герцог.

— Мой экземпляр дома. Я оставила его матери, чтобы она получила аванс, если деньги привезут туда. Здесь должна быть вторая копия.

— Должна, — согласился Томас. — Канцелярия мастерской уже закрыта. Утром принесут журнал и бумаги.

Я отняла палец. Лукас положил заявку поверх приглашения. Рука у него слегка дрожала, когда он разжимал пальцы; заметив мой взгляд, он убрал её со стола.

— До проверки вы остаётесь во дворце, — сказал он.

— Я останусь работать. Только это нужно решить сейчас. Госпожа Сар предупредила, что после скандала не сможет оставить меня в мастерской. Я не хочу завтра узнать, что меня кормят как невесту, а за сегодняшний день не заплатят.

Томас перевёл взгляд на герцога. Тот молчал, и я успела пожалеть, что заговорила о деньгах так прямо. У меня дома слово «заплатят» никого не смущало; здесь оно прозвучало громче музыки.

— Заказ сохраняется, — произнёс Лукас. — И оплата с авансом, если он указан в договоре. Томас передаст госпоже Сар.

Я кивнула и взялась за сумку, но у двери вспомнила, что оставила письмо. Томас сам протянул его мне, записав что-то на отдельном листке.

— В следующий раз, госпожа Вейс, начинайте с договора.

— В следующий раз я постараюсь не попасть на чужой отбор.

Томас придержал дверь. Герцог ничего не ответил, и я вышла с чувством, что последнее слово досталось мне только потому, что ему было больно стоять.

В мастерской ещё горели две лампы. Иветта сидела перед снятыми с Клариссы перчатками; на правой не хватало пуговицы. Я положила свою находку рядом и опустилась на табурет. Начальница посмотрела на пуговицу, потом на меня.

— Господин Ренн уже заходил, — сказала она. — Вы добились своего.

— Я добилась оплаты работы.

— Вы говорили, что шьёте рабочую защиту для красильщиков.

— Рукавицы, нарукавники. Иногда жилеты.

Она достала из ящика свёрнутый камзол, в котором Лукас сидел перед невестами, и отвернула полу. У бокового шва лежали три заплаты одна поверх другой. Нижнюю уже прожгло; сквозь неё выглядывал бурый край подкладки.

— На ближайшие дни это ваша работа. Мерки, ремонт и подгонка запасного комплекта. Платья возьмут остальные. Подкладку здесь меняли три дня назад, вчера латали снова. Синий камзол на стойке: он нужен к утреннему завтраку.

Я провела ногтем по заплате. Нить крошилась, хотя наружное сукно оставалось плотным. У нас так выглядели нарукавники после смены, когда хозяин уверял, что только прислонился к котлу, а сам полез проверить заслонку.

— Кто снимал мерки раньше?

— Я. До аварии. После неё его светлость не любит, когда к нему прикасаются. Особенно с вопросами, не тесно ли ему.

— А если тесно?

— Тогда вам придётся найти способ спросить.

Она подвинула ко мне ещё одну коробку. Внутри лежали узкие плоские держатели с мутными кварцевыми пластинками. Я протянула руку, но Иветта опустила крышку.

— Эти вставки меняет лекарь. Вы их не вынимаете, не переставляете и не чистите. Каналы в подкладке должны точно совпадать с прежними. Снимете размеры до того, как начнёте распарывать. Пропитку для подкладки получите утром; на примерку возьмёте влажный защитный холст. Лекарь требует, чтобы он всегда был рядом.

Она отвернула уцелевший край. От места, куда входил держатель, по подкладке расходились плоские полоски с металлической нитью. Они соединялись с защитным жилетом через маленькие застёжки под рукой. Я отметила их расположение и не стала трогать; сначала нужно было разобраться, что здесь можно отпарывать, а что придётся снимать вместе с лекарем.

— Он будет при примерке?

— Господин Ренн согласует время. Вам достаточно знать, что приступ может начаться без предупреждения. Если ткань нагрелась, отойдите. Вы не обязаны ловить руками драконий огонь.

Иветта выпрямила заплату двумя пальцами, не касаясь отверстия. Я заметила белый рубец на её указательном пальце. Она умела шить защитную одежду, иначе не стала бы начальницей мастерской. Теперь отдавать этот заказ мне было очень удобно.

Я повесила камзол на свободную стойку. Левая пола оказалась чуть короче правой: ткань стянуло по внутреннему слою. Хотелось поужинать, снять обувь и разобраться, как выполнять заказ, при котором даже вопрос об удобстве считался лишним.

Иветта указала, где лежал защитный холст, и ушла, напомнив, что утром ждёт меня в семь. Я проверила пропитку и припасла распарыватель: отделка скрывала застёжки, а тащить камзол через голову человеку с ожогами я бы не стала.

Ужин принесла Лея — тарелку, кусок хлеба и кружку с отломленной ручкой. Спросила, не уезжаю ли я. Услышав, что мне поручили одежду герцога, посмотрела на камзол и покусала губу. От неё я узнала, что прошлую подкладку выбросили вместе с прожжённым чехлом.

Пока я ела, Лея принесла воду. На мой вопрос о заявке она покачала головой: шестую девушку ждали, но думали, что та приедет отдельно. Я вернулась к остывшему картофелю. Девушка вытирала невидимое пятно, поглядывая на дверь; после сегодняшнего ей хватало причин бояться собственного языка.

Спала я плохо. За стеной до ночи передвигали стул, потом начали бить дворцовые часы. Перед рассветом приснилась мать: пыталась вшить рукав в узкую пройму и сердилась, что я стою без дела. Проснувшись, я нашла платье и села на краю кровати, растирая шею. До семи оставалось время осмотреть запасной камзол.

К десяти я знала, что ворот обоих камзолов укрепили плотной лентой. По схеме Иветты под ним должен был лежать край защитного жилета. Два жёстких слоя неизбежно мешали бы при повороте головы. Наружную ленту можно было убрать, но сначала требовалось увидеть всё на заказчике.

Томас пришёл, когда я смётывала левый бок запасного наряда. Он поставил на стол конверт с авансом. Я вытерла руки и пересчитала деньги при нём; он дождался, не делая вида, будто смотреть на монеты неприлично.

— Можете отправить домой с дворцовым посыльным. Под расписку.

— Спасибо. Я напишу матери.

— Договор пока не нашли. Госпожа Сар сказала, что вчера передала папку в общую канцелярию. Там ищут.

Вчера Иветта сама обещала поднять бумаги после приёма. Теперь они путешествовали по дворцу. Я сказала, что попрошу мать прислать наш экземпляр. Томас согласился и пообещал расписку в получении.

Примерку перенесли: герцог не спустится к завтраку. Нас с Леей поведут в его комнаты, там же будет лекарь Рук. Я завернула камзол в чехол, убрала конверт в сумку и взяла жестяной лоток с влажным холстом. Подтянула пропитку по волокнам привычным усилием дара; складки не разошлись, когда я подняла край. Лея забрала лоток, и мы пошли за Томасом.

У раскрытого окна в комнате герцога стоял стол с металлическими подставками и разобраным держателем для кварца. Худой мужчина в сером жилете протирает пальцы салфеткой. Лукас сидел в рубашке с расстёгнутым воротом; волосы у виска были влажными, хотя тянуло прохладой. Он поднял глаза на чехол раньше, чем на меня.

— Госпожа Вейс. Сегодня без зрителей?

— С помощницей. Она подержит ткань, если понадобится.

— Обычно при дворе охотнее держат язык.

Я поставила сумку на свободный стул, а Лея открыла лоток.

— Мне понадобится, чтобы вы встали и подняли руки. Если больно, скажите сразу. Через зубы тоже можно, но я могу не расслышать.

Лея отвернулась, пряча лицо. Лукас встал. Поверх рубашки с расстёгнутым воротом был надет тонкий светлый жилет; у левого бедра виднелся край плоского держателя. Я достала мерную ленту, стараясь не разглядывать его дольше необходимого.

— Бастиан Рук, — представился мужчина у окна. — Если захотите перенести что-нибудь на внутреннем жилете, сначала покажете мне.

— Госпожа Сар передала размеры. Она сказала, каналы менять нельзя.

— Пока нельзя. Между ремонтом и переделкой есть разница. Сегодня посмотрим, что вам мешает снаружи.

Бастиан проверил держатель и пощупал запястье герцога. Лукас смотрел в окно. Получив разрешение, я взяла камзол за плечи, и Лея помогла надеть его. Лекарь сам соединил полоски в подкладке с жилетом. На синем сукне серебряные крючки казались ещё крупнее, чем на чёрном.

На спине легла косая складка. Я оттянула боковой шов: под камзол добавили защитный слой, а прибавки оставили прежними. Ткань тянуло и в груди, и в боках. Я попросила герцога повернуться.

— Вы всегда так подробно осматриваете заказчика? — спросил он.

— Если собираюсь шить ему одежду, да.

— А если не собираетесь?

Стоял он близко, и привычное «ваша светлость» мешало: слишком много слов, когда нужно попросить не двигать плечом. Я подняла глаза от шва.

— Тогда не трачу на него утро. Левую руку можно чуть в сторону?

Он отвёл локоть, но недостаточно. Я присела и подцепила нитку распаривателем. Тесёмка крючка вытянулась от напряжения. Герцог молчал; на вопрос, больно ли ему, вряд ли ответил бы охотнее.

— Если можете стоять прямо, покажите, пожалуйста. Если нет, я буду подгонять под то, как вы стоите сейчас.

Лукас выпрямился. Ворот упёрся в кожу под челюстью; я сразу сняла мерку и сказала, что достаточно. Бастиан разрешил смягчить наружный ворот, а внутренний велел оставить.

Тут в дверь заглянул его помощник: в соседней палате понадобилась помощь. Лекарь взял свой футляр, оставив запасной на столе, и показал мне влажный холст: при нагреве его накладывали поверх одежды, не прижимая к коже. До его возвращения мы должны были только снять мерки.

Я отметила припуск. Лея подошла поправить рукав, но герцог отступил, избегая её пальцев. Она замерла с поднятыми руками. Я забрала чехол и попросила её разложить чистую салфетку. Девушка с готовностью отошла. Лукас посмотрел на неё и негромко произнёс:

— Вам не нужно меня жалеть.

— Хорошо. Тогда не заставляйте меня угадывать. Я подниму рукав до локтя, вас это устроит?

— Да.

Я отвернула обшлаг. Ткань возле его ладони была тёплой, как нагретая солнцем скамья; в прохладной комнате это чувствовалось отчётливо. Нижний шов тоже натянулся. Камзол словно шили на мужчину, которому не понадобится дотянуться до дверной ручки.

— Сядьте, пожалуйста. Проверим, как полы ложатся.

Он сел на край стула, опираясь правой рукой на стол. Я наклонилась отметить длину, и в этот момент у бока сухо щёлкнуло. Сначала я подумала, что сломался один из крючков. Лукас схватил меня за предплечье и отодвинул от себя прежде, чем я успела выпрямиться.

— Назад.

Меловой обломок выпал у меня из пальцев. Сквозь открытую полу потянуло жаром, а затем запахло палёной шерстью. Камзол снаружи не загорелся, но у внутреннего шва поднялся тонкий дым. Лукас вдавил ладонь в край стола; ногти коротко скребнули по дереву.

Томас распахнул дверь и позвал Бастиана. Лея побежала к соседней палате. Я отступила, но увидела, что левая пола прилипла к жилету: подкладка у шва собиралась тёмными складками. Если тянуть, можно было сорвать вместе с ней защитный слой.

Я ухватила верхний крючок. Он вышел легко, а второй перекосило. Лукас попробовал поднять руку, и дым стал гуще. Я выдернула распарыватель из кармана.

— Не двигайтесь. Я сейчас разрежу тесёмку.

Металл ударился о пол, камзол раскрылся. Прилипший бок я не тронула: взяла холст из лотка, сложила в несколько раз и приложила снаружи к дымящейся подкладке. Лукас вздрогнул. Мокрый край потемнел, над рукой поднялся пар; ткань ещё держала пропитку, но надолго её бы не хватило.

— Отойдите, — выговорил он, опираясь на стол. Я уже чувствовала жар сквозь верхние складки. Даром стянула волокна, не позволяя им разойтись: так бывало в красильне, когда горячий состав попадал на шов рукавицы. Здесь я не знала, сколько осталось времени.

— Сейчас. Нужно, чтобы край отошёл.

Бастиан вошёл, когда под холстом снова треснуло. Он удержал герцога за плечо и потянулся к держателю. Внутри светилась грязным оранжевым кварцевая пластинка.

— Держите ещё, — сказал лекарь. — Томас, запасную. Щипцы рядом.

У меня заныл старый ожог у большого пальца. Я удерживала холст на прежнем месте, боясь и прижать сильнее, и отпустить. Нижний слой принимал жар, верхний оставался влажным.

— Не ближе, — выговорил Лукас.

Я почти висела над его коленом, стараясь не коснуться рубашки. Томас раскрыл футляр и подал лекарю белую пластинку. Зашелкал держатель; под холстом стало тише.

— Край отошёл? — спросил Бастиан. Я приподняла угол, и вместе с ним от жилета отделился ломкий кусок подкладки. На белом полотне под ним проступило бурое пятно. Я кивнула. Лекарь велел убрать ткань от себя.

Я потянула холст вниз вместе с обугленной тканью и положила в лоток. По краю оставалась красная точка; Бастиан накрыл её металлической крышкой. Томас помог снять камзол с

правого плеча. Левый рукав я освободила сама, держа только наружное сукно. Одежда упала на спинку стула, и из неё ещё несколько мгновений шёл дым.

Лукас дышал через нос, выдавливая каждый выдох сквозь зубы. Бастиан расстегнул край жилета. Я отвернулась. Пальцы дрожали так сильно, что убрать распарыватель в карман не получилось; положила его рядом с чашей.

Помощники принесли перевязочную коробку и металлический сосуд. Я уступила место, отступив к окну. За дверью мелькнула коса Леи; хотелось выйти к ней, но меня ещё могли спросить о застёжках.

Бастиан говорил с герцогом тихо. Я разобрала только «кожа цела» и «сегодня больше никаких проб». Лукас ответил что-то сердито, лекарь отрезал:

— Сядете как следует или я позову людей, которые помогут вам сесть. Выбор у нас небольшой.

Я посмотрела на предплечье. От пальцев Лукаса остались красноватые следы, болезненные, как после слишком крепкого рукопожатия. Ожога не было: он успел оттолкнуть меня раньше, чем жар прошёл через одежду.

Через четверть часа Бастиан велел отменить прогулку в оранжерею. Испорченный жилет он снял, а возле стула поставил сосуд, соединённый с другим гасителем. Лукас сидел в свежей рубашке. Из-под сползшего ворота виднелся старый неровный след ожога. Я заставила себя смотреть на камзол, хотя там было куда неприятнее.

— Госпожа Вейс, руки покажите, — сказал лекарь.

Я протянула ладони. Он проверил пальцы, задержался на давнем ожоге и спросил, мой ли холст.

— Мастерской. Я только сложила и укрепила волокна перед тем, как идти сюда.

— На следующий раз берите два пакета. Этот выдержал, но полагаться на него дольше нельзя. Снимайте наружную одежду сразу, как начинает тянуть шов. Если его светлость говорит, что всё в порядке, можете не верить.

— Я ещё здесь, Бастиан, — произнёс Лукас.

— Именно поэтому объясняю при вас.

Бастиан взял лоток и разрешил оставить обгоревший камзол для ремонта. Жилет до вечера трогать запретил. Когда он вышел с помощниками, Томас задержался у двери, но герцог посмотрел на меня.

— Закончите мерки?

— Если господин Рук разрешит.

Томас вернулся из коридора с разрешением закончить мерки без камзола и защитного жилета. Лекарь оставался в соседней комнате. Лукас кивнул.

— Тогда оставьте нас. И скажите помощнице, что её мастерица цела.

Дверь закрылась. Я подобрала ленту, расправила её на столе, но подходить сразу не стала. Герцог заметил это и опустил глаза на мои руки.

— После такого вы можете отказаться от заказа.

— Мне сначала нужно понять, что именно вы хотите получить. Камзол для завтрака или одежду, в которой можно поднять руку?

— Желательно обе вещи сразу.

— Тогда распушу плечо и убегу ленту из наружного ворота. И сделаю шов, который можно открыть без ножниц. Внутреннюю защиту покажу лекарю.

Лукас посмотрел на срезанную тесёмку. Я подняла её: крючок остался целым. Такая маленькая вещь могла продержаться нас возле дымящейся подкладки ещё несколько мучительных мгновений.

— Вы часто раздеваете заказчиков ножом? — спросил он.

— Это распарыватель. Ножом я бы испортила сукно.

Угол его рта дрогнул. Я положила крючок на стол и попросила не вставать: большую часть новых мерок можно было снять так. Он посмотрел на моё предплечье.

— Больно?

Я не сразу поняла, потом отодвинула рукав.

— Не обожгли. Вы крепко схватили, но следы пройдут.

— Иначе вы бы не отошли.

— Отошла бы, если бы вы сказали раньше.

— Не всегда получается раньше.

Он отвёл взгляд. Я наложила ленту на плечи, придержала возле ворота рубашки. На этот раз он позволил коснуться ткани. Посадка менялась, когда ему не приходилось скрывать боль: левый бок он берёт, но хотя бы не вытягивал шею вперёд. Я уже видела, как перекроить плечо, и всё-таки несколько мгновений не ставила отметку. После материнской травмы я долго ловила себя на том, что забираю у неё даже лёгкие вещи. Она однажды швырнула в меня пустую корзину и велела прекратить. Здесь хотелось отнести камзол прочь и сказать, что герцогу нужен отдых. Только одежда ему тоже была нужна, а разрешения решать за него я не получала.

— Вы останетесь?

Я остановилась. Сказать «мне нужны деньги» было бы проще всего, но я вспомнила его лицо, когда начала дымиться подкладка.

— У меня есть договор. И я не люблю бросать вещь, которую уже распарывала. Только мне нужны прежние подкладки. Те, что не успели выбросить. И точный состав пропитки, без слов «лучшая при дворе».

— Томас достанет.

— Ещё мне нужно, чтобы вы говорили, когда начинает греться ткань. Даже если не хотите прерывать примерку.

Лукас кивнул. Я записала мерку возле его чаши; пальцы ещё помнили влажный холст, почерк вышел хуже обычного. Он отодвинул чашу от листа и больше не мешал работать.

В конце он медленно поднялся, и я отметила длину бока. В зеркале мы отражались вместе: мужчина в расстёгнутой рубашке и женщина с мелом на фартуке, почти касавшаяся лбом его руки. Дома я тоже стояла рядом с заказчиками. Почему сейчас приходилось следить, куда смотрю, объяснять себе не хотелось.

— На сегодня всё, — сказала я. — До вечера можно поправить ворот и плечо. Подкладку сначала покажу господину Руку.

Я собрала инструменты, оставив крючок на столе: пусть видит, почему красивую застёжку придётся заменить. У двери Лея забрала чехол и заглянула мне в лицо.

— Он тебя не обжёт?

— Нет. Помоги донести. И найди нам стол подальше от платьев.

На лестнице я попросила её принести чернила. Денежный конверт лежал в сумке; после сегодняшнего особенно хотелось, чтобы он поскорее оказался дома.

Камзол я разложила у окна. Свет падал прямо на левую полу, и выгоревший участок стал виден целиком: длинный узкий след вдоль канала, куда входил держатель гасителя. Я перевернула ткань, проверила наружную сторону. Ни дыры, ни копоты. Сукно только чуть стянулось, а серебряная отделка даже не потемнела. Лея принесла лист с размерами, и я приложила его к шву. Всё совпадало, вплоть до маленького изгиба под рукой.

— Это ведь здесь должно остывать? — спросила она, глядя на бурый край.

— Здесь должен уходить жар, — ответила я, раскрывая шов по стежку. Обугленные волокна цеплялись за целые. Я отогнула край и снова посмотрела на чистое наружное сукно. Внутри камзол выгорел именно там, где его собирались охлаждать, а снаружи можно было пройти весь завтрак, не заметив повреждения. Я велела Лее не отдавать обрезки в мусор. Вечером нужно было показать лекарю всю полосу — прежде, чем я зашью её новой красивой подкладкой.

Глава 3. Невесты, ножницы и чужие правила

Лея потянулась к ниткам, когда я заметила на её манжете чёрную крошку и велела отряхнуть над листом. От камзола сыпалось при каждом движении. Вокруг лежали светлые ткани, возле окна ждали примерки два платья, а за дверью спрашивали, почему служанка не принесла стул. Я сдвинула обгоревшую полу на бумагу и попросила Лею накрыть старым чехлом.

Вошла Иветта с двумя работницами. Обе посмотрели на меня; одна перевела взгляд на предплечье. Рукав я подвернула, и следы пальцев Лукаса были видны.

— Его светлость снова заболел? — спросила Иветта.

— Был приступ. Бастиан сменил вставку, сейчас всё спокойно. Подкладку я оставила для осмотра.

— Отдайте камзол старшей помощнице. Завтра вы нужны на примерках участниц. Остальные не успевают.

Я положила ладонь на чехол. Утром платьями велели заниматься другим. Теперь повреждённую одежду мог получить человек, который послушно вырежет бурую полосу, нашьёт такую же и не станет задерживать работу вопросами.

— Я покажу его лекарю и закончу ворот. Герцог ждёт к вечеру.

Иветта поправила очки. Старшая помощница смотрела на стойку с чёрным камзолом, не желая брать ещё и синий. Начальница велела закончить к шести и явиться завтра к примеркам. Важные заказы здесь делили быстро, неприятные — со спорами.

Я написала матери, пока Лея распарывала ворот. О церемонии умолчала: узнав, что меня объявили невестой, Агата явилась бы прежде посыльного. Сообщила, что получила аванс, попросила передать договор господину Ренну. Перечитала и убрала «у меня всё хорошо». Мать знала, когда я это писала. Внизу осталось: «Еду дают. Комната тёплая. Не забудь торговаться за уголь».

Вечером Бастиан принёс две старые подкладки и пропитку, о которых обещал позаботиться Томас. Лекарь не обрадовался ещё одной сгоревшей вещи, но выслушал до конца.

— Здесь полоса целая, — я показала наружное сукно. — А под ней выгорело вдоль канала. Жар наружу почти не прошёл.

Он склонился над тканью, проверил застёжки и потрогал металлическую нить.

— Каналы рассчитаны на ровный отвод. Во время приступа поток меняется. Вставка забирает часть, остальное задерживается в одежде. Пока не удаётся отвести достаточно, чтобы освободить его надолго.

— Тогда новую подкладку так же шить?

— Сегодня — так же. Изменённый канал сначала проверяют на образце, не на человеке. Вы можете принести мне рисунок, если заметите что-то ещё.

Я показала распушенный ворот, добавила, что уберу складку в обшлагае. Саму манжету тоже разрешили раскрывать: проводящая полоса проходила выше, жёсткий наружный край ей не требовался. Я пометила место. Пузырёк Бастиан велел подписать, чтобы никто не взял эту пропитку для праздничных платьев.

К шести я не успела. Камзол отнесли после ужина. Томас передал, что ворот больше не давит, левое плечо лучше поднимать медленно. Я уточнила, из-за ткани или бока. Управляющий ушёл спросить и вернулся с ответом:

— Его светлость сказал: «Из-за бока. Пусть уже поест».

— Мне понадобится копия заявки, — сказала я. — Пока договор не привезли, хочу хотя бы перечитать, какие ещё условия я якобы приняла.

Томас обещал прислать её с остальными бумагами. Я взяла хлеб, пряча улыбку от слов герцога. Он вряд ли заметил бы, сколько раз я перешивала короткий участок плеча. Хорошо, что хоть раз ему оказалось удобно.

Утром Одри Летт потребовала другую ленту. Моя уже касалась чужих талий; Одри не хотела, чтобы её мерили после дочери аптекаря. Лея замерла с булавками. Я вымыла ленту, промокнула полотенцем и вернулась, пока леди рассматривала свой профиль.

Одри оглянулась на дверь и подняла руки. У нас заказчица всякий раз просила свежие булавки, будто они тупели от чужого тела. Мы с матерью завели для неё коробочку и закрывали после каждой примерки. Здесь я ещё не знала, какие хитрости разрешены прислуге. Леди терпеливо стояла, пока я мерила талию, потом положила две монеты на край стола. Я не взяла их: мерки входили в заказ. Одри решила, что я торгуюсь, и добавила третью. Пришлось объяснить ещё раз. Кошелёк захлопнулся гораздо громче, чем открывался.

Сабина Мор торопилась на прогулку и разговаривала с компаньонкой через мою голову. Мира краснела, когда я просила повернуться, но сама держала ткань и не жаловалась. Я записала её мерки и велела позвать Розалин.

Вместо неё вошла Кларисса с отрезом бледно-зелёного шёлка. Я освободила место, но девушка приложила ткань к себе перед зеркалом.

— Этот пойдёт Розалин. Ей обещали из общего запаса, но госпожа Сар согласилась взять нашу ткань. Отец передал всё для первых встреч.

— Леди Фер сама выбрала цвет?

— Она сказала, что благодарна. Я бы не стала заставлять её выбирать из того, чего она всё равно не купит.

Шёлк был дорогой, но тяжёлый. Кларисса достала рисунок: высокий ворот, поперечные оборки над талией, рукава до самого широкого места предплечья. Художник будто решил укоротить женщину со всех сторон.

Вошла Розалин в голубом платье без перчаток. Посмотрела на отрез и остановилась рядом с Клариссой.

— Я думала, мы говорили о гладкой юбке.

— Такая выглядит бедно. И открытая шея тебе не пойдёт. Госпожа Вейс, вы сможете сделать ворот выше, чтобы не было видно этих косточек?

Розалин коснулась ключицы. Я рассердилась сильнее, чем от жалобы Одри на ленту. Женщина жила со своей длинной шеей без обязанности оправдываться перед дочерью графа.

— В этом шёлке ворот будет натирать, — сказала я. — Лучше оставить вырез ниже. И убрать верхние оборки: они добавят толщины там, где её нет.

— Их и нужно добавить. Розалин слишком худая.

— Я не хочу такое платье, — негромко произнесла Розалин.

Кларисса повернулась к ней, потом протянула мне рисунок. Загнутый уголок был тщательно разглажен ногтем.

— Госпожа Сар сказала, что вы хорошо повторяете образцы. Не нужно ничего выдумывать. Ткань передана для этого фасона.

Я не взяла лист, и Кларисса посмотрела на дверь. Иветта уехала выбирать кружево, вернуться должна была к полудню.

— Шить для леди Фер будут по её меркам. Ей и носить. Если она отказывается от фасона, мы подберём другой.

Пальцы Розалин дрогнули на краю стола. Она отодвинула отрез.

— Если подарок требует именно такого платья, я обойдусь тканью из запаса.

— Я не говорила о требованиях. Как грубо вы всё понимаете.

Кларисса отдала рисунок служанке, напомнила, что её платье нужно раньше остальных, и вышла. Отрез остался. Я сказала, что Лея проверит запись в запасах, а пока предложила Розалин снять мерки.

Она встала на подставку, глядя в зеркале на шею. Я не стала хвалить: после замечания похвала звучала бы как утешение. Приложила ткань, убрала складку и показала, как ляжет от плеча. Розалин потрогала шёлк. Когда я попросила согнуть руку, сразу согнула, не беспокоясь за вид.

— Вы сейчас поссорились из-за меня с дочерью графа, — сказала она.

— Пока только из-за ворота. Остальное она сама добавила.

— Вы ведь и сейчас числитесь участницей?

— На бумаге. Её проверяют.

Розалин помолчала. Я ждала совета не отказываться от счастливого случая, сочувствия к поношенному фартуку. Она спросила, как мне удобнее — чтобы держала отрез у плеча или подождала Лею. Я протянула край и впервые за утро перестала торопиться. На подставке леди была выше меня почти на голову; когда понадобилось поправить плечо, она сама наклонилась. Я придержала ткань у её ключицы. Кларисса могла бы подобрать ей красивый фасон без всякого труда. Оттого и было противно смотреть на рисунок: ошибка слишком аккуратно повторялась в каждой детали.

Лея нашла запись: ткань поступила в общий запас, без имени получательницы. Кларисса выбрала себе кремовый шёлк. Розалин кивнула, будто позволила себе выдохнуть. Мы остановились на гладкой юбке и мягком вырезе, из остатков решили сделать отделку на манжетах.

Мира заглянула спросить, правда ли на завтрашней пробе придётся снимать перчатку. Записку лекаря она перечитывала так часто, что край размохрился. Розалин позвала её внутрь и сказала, что можно сначала поговорить с Бастианом: терпеть дурноту их не обязуют.

Мира сложила записку. Я отвернулась к шву. От испуганной девушки очень легко было потребовать доказательств преданности. На открытии говорили о возможности для достойных женщин; никто не объяснил, куда девать локти, если женщина боялась прикоснуться к жениху.

К вечеру Бастиан вернул камзол с пометками. Подкладку менять не разрешил, но одобрил раскрывающийся наружный шов рукава. Я сделала его на временной нити, спрятав под отделкой петлю: потянешь — край разойдётся. Внутренние полосы остались на месте. На моём рисунке под локтем сходилось слишком много слоёв. Образец ещё предстояло сшить.

Наутро нас отправили в галерею возле лечебных комнат. Здесь стулья расставили вдоль стены, сосуды с водой и раскрытые футляры стояли на столе рядом с часами. Кварц лежал на тёмной ткани. Слуга убрал ковёр, чтобы не пришлось тушить ещё и его. Я заметила это раньше, чем герцога.

Лукас стоял у окна в синем камзоле. Ворот лёг ниже, и он свободно повернул голову, услышав моё имя. Посмотрел на холсты у Леи, затем на сумку.

— Ножницы с собой?

— Да. Но рукав теперь можно открыть без них.

— Надеюсь, демонстрация не понадобится.

Лея поставила холсты возле стены. Я проверила крышки и осталась рядом: лекарь попросил меня присутствовать на случай, если одежду придётся быстро снять.

Розалин вошла в зелёном платье, ещё без отделки на манжетах. Кларисса прошла к отцу, сидевшему рядом с Иветтой. В галерее были сопровождающие и распорядитель. Праздника не получилось, но зрителей хватало.

Бастиан показал два кольца с тонкой цепочкой. Одно будет держать Лукас, второе — участница: это краткая проба отклика. Убрать руку можно в любой момент, сигнала через силу ждать не следует. Он предупредил о временной слабости и сонливости, велел позвать помощника при головокружении.

— Это не брачный обряд, — добавил он. — Сегодня мы только измеряем отклик. Сначала я проверю кольца. Потом позову вас по одной.

Лукас правой рукой держал подоконник, левую оставил свободной. Дождался, пока Бастиан закончит, и обратился к женщинам:

— Если передумали, сообщите сейчас или во время пробы. Объяснять при всех не нужно.

Одри взяла кольцо кончиками пальцев, как незнакомую ложку. В сосуде под держателем прошла рябь. Бастиан посмотрел на часы и вскоре забрал кольцо. Леди отпустила его с таким облегчением, что я пожалела о вчерашней ленте лишь наполовину.

Сабина перенесла пробу спокойно. Миру усадили сразу: ноги дрожали. Розалин подержала ей стакан. Бастиан сделал запись, поговорил с герцогом. Лукас кивнул и отпустил подоконник.

Кларисса вышла прежде, чем назвали имя, и встала ближе остальных. Попросила сказать, если ему станет трудно. Герцог ответил, что господин Рук скажет обоим.

Кларисса взяла кольцо, глядя на Лукаса. Через цепочку прошёл свет. Герцог согнул левую руку. Под локтем натянулась ткань, на отделке вздулся маленький пузырь.

Я отступила от стены. Бастиан тянулся к кольцу Клариссы, приказывая отойти. Лукас разжал пальцы. Цепочка звякнула о стол, под рукавом затрещало.

Граф окликнул дочь. Кларисса шагнула, запуталась каблуком в подоле и схватила герцога за предплечье. Он дёрнул руку от неё. Девушка удержалась, но пальцы оставила на вспухшей отделке. Я подошла сбоку; Бастиан разъединял кольца.

— Отпустите его, — сказала я. — Леди, пальцы уберите.

Кларисса повернулась ко мне. Лукас замер. Ткань возле её ладони темнела; я потянула петлю. Нитка вышла наполовину и застряла в сжавшемся слое. Вытащить и раскрыть ножницы между двумя руками я не успевала.

Распарыватель сидел в узком кармане фартука. Я поддела им уцелевшие стежки наружного шва, прикрыв острие краем ткани. Кларисса отпустила герцога, когда первая нить лопнула. Я развернула отделку в сторону пустого прохода, от себя и от неё. Из разошедшегося рукава вырвался жар. Он ударил в щёку, как из открытой печи, и я зажмурилась, продолжая держать ткань за холодный край.

Бастиан взял Лукаса выше локтя. Помощник подставил гаситель, я отошла. Лекарь забрал у Леи холст, а Томас увёл Клариссу к стулу. Распорядитель всё ещё держал лист, собираясь читать имя Розалин.

— Окно откройте, — сказал Бастиан. — Его светлость сядет. Остальные отойдут от стола.

Лукас не садился. Он сжимал челюсти, а под виском собиралась влага; пока я смотрела, одна капля прошла до скулы. Крючок под правой рукой никак не расстёгивался. Томас предложил помощь, но герцог отвёл плечо. От этого движения мне стало неприятнее, чем от гари: перед людьми, которым позволил видеть свою слабость, Лукас не мог даже раздеться без чужих рук.

Я подошла, когда он сел. Бастиан проверил кожу: обошлось. Помощник осмотрел пальцы Клариссы. Ожога не было; девушка сердито плакала, не давая снять вторую перчатку.

— Вы ножом полезли мне под руку! — сказала она, увидев меня.

— Я открыла шов. Вы держали горячую ткань.

— Отец, пусть она отойдёт.

Я отошла и положила распарыватель на столик. Неприятно было держать его под чужими взглядами, словно именно эта вещь во всём виновата. Розалин подошла к нам с Леей, убрала

со стула мой чехол и предложила сесть. Я мотнула головой. Если бы села, пришлось бы признать, как сильно дрожали ноги. Меня ведь тоже никто не заставлял лезть к горячему рукаву; я увидела застрявшую петлю и полезла прежде, чем успела испугаться. Теперь щёку саднило, и я боялась обнаружить вечером на лице ожог.

Спутница Клариссы заговорила так, чтобы услышали возле соседних стульев:

— Предупреждали ведь не трогать защиту. Стоило ей поручить одежду, и вот уже второй случай. Теперь ещё и с ножом на публике.

Иветта стояла возле графа. Я ждала, что она объяснит, какие швы мне разрешил менять лекарь. Она поправила цепочку очков и промолчала.

— Некоторым мало выйти к жениху перед всем залом, — добавила женщина. — Нужно, чтобы он ещё и обязан был спасением.

Хотелось разложить камзол на её коленях и показать каждый стежок. Лукас поднял голову и посмотрел на женщину. Та побледнела. Граф встал со стула.

— Ваша светлость, после испуга люди могут сказать лишнее.

— Тогда им следует остановиться. Проба проведена с разрешения лекаря. Одежду также проверил он. Госпожа Вейс открыла рукав после начала приступа. Если у вас есть другое объяснение, скажите Бастиану сейчас.

Женщина смотрела на графа. Тот не подал ей знака. Бастиан отвёл от герцога награвшуюся пластинку и положил её в сосуд; вода зашипела, и в этой тишине звук оказался ужасно громким.

— Другое объяснение у меня есть, — произнёс лекарь. — Но оно касается движения огня, а не намерений швеи. Оставьте мне место для работы.

Томас велел сопровождающим перейти в соседнюю комнату. Последними вышли граф и Кларисса. Девушка держала ладони перед собой, будто они всё ещё болели. Розалин помогла Мире подняться и оглянулась у порога. Я кивнула: пусть уходит, пока ей тоже не приписали лишнего.

Бастиан разъединил полосы подкладки и жилета, камзол сняли. Я сложила его рукавом вверх. Лицо ещё горело, пальцы плохо чувствовали складки. Проверила распарыватель: целое острие, пот на ручке.

Лукас сидел у окна. Когда Бастиан закончил осмотр и ушёл записывать результаты, герцог посмотрел на разорванный рукав.

— Вы обещали без ножниц.

— Нитку стянуло. Придётся оставить край свободнее.

Он посмотрел на мой столик, где лежал распарыватель. Мне хотелось убрать инструмент в карман и выйти, но слова, которые не дала сказать перед людьми, всё ещё мешали. Я разгладила рукав ладонью и подняла голову.

— Спасибо, что объяснили. Мне бы сейчас не удалось показать им, что я разрежала.

— И не должны. Вы не обязаны оправдываться перед каждой гостьей.

— В мастерской приходится. Иначе завтра жалоба окажется у госпожи Сар.

— Если Иветта предъявит вам эту жалобу, отправьте её ко мне.

Он отвернулся. Я показала на нитку у него на плече и спросила разрешения снять. Лукас подождал, не отстраняясь. Моя рука оказалась возле его щеки. Он дышал ровнее, а когда я отняла пальцы, посмотрел снизу вверх. Почему-то вспомнилось, как уверенно он распорядился мною в первый вечер. Вблизи было видно, что он не успел побриться: под челюстью темнела щетина. Я смотрела слишком долго и торопливо стряхнула нитку на бумагу. Он заметил, но не спросил, чего я там ещё ищу.

— Завтра могу принести другой рукав на образце, — сказала я. — Без всей отделки. Не для примерки, только показать вам и лекарю.

— Принесите. Сегодня закончите с платьями.

У двери Томас передал копию заявки с канцелярской отметкой. Наш договор ещё не привезли: мать пошла заверить его в гильдии, затем отправит сюда. Я представила Агату с папкой под мышкой. Слабая рука не мешала ей защищать мои деньги.

В мастерской новый отрез Клариссы лежал на моём месте, с запиской Иветты: закончить мерки до обеда. Я сняла его, разложила рукав и раскрыла заявку. Писец сохранил поля бланка, а вместо подписи вывел моё имя, подтверждая, что на оригинале стояло именно оно. Я прочла всё: проживание во дворце, сведения о даре, просьба внести в список. Ни слова об оплате.

Лея принесла кружку. Я приподняла лист и заметила, что она смотрит на середину страницы. Спросила, что случилось. Девушка хотела знать, откуда это.

— Из канцелярии. Та самая заявка. Господин Ренн прислал копию.

Я подвинула лист. Лея вытерла ладони и показала строку, где гильдейскую ступень вписывали отдельно от общей оценки дара.

— Я такой бланк видела. У госпожи Сар. В тот день, когда ты приезжала подписывать договор.

Лея прежде говорила, что шестую девушку ждали отдельно. Она могла видеть десяток таких заявок, а мне хотелось ухватиться за её слова слишком быстро.

— Они ведь у всех похожие?

— У дворянок другой, без этих строк. Я носила их распорядителю. Этот лежал у неё в кабинете. Она заполняла его после того, как ты вышла в коридор. Шапку прикрывала папка, я думала, выписка для работы. Имя не читала. Она спросила, зачем я пришла, и я забрала книгу тканей. Только возле листа лежало твоё свидетельство. С коричневой лентой. Я подумала, зачем ты его оставила.

Иветта велела мне подождать в коридоре, пока перепишет сведения из свидетельства. Я забрала его у дверей, вместе с договором. Лея опустила глаза: ей было стыдно не за сделанное, а за то, что приходилось говорить о начальнице. Я убрала чашку подальше и попросила рассказать всё ещё раз, с самого прихода за книгой. На полях записала её слова. До сих пор бумаги будто сами терялись между кабинетами. Теперь появилось место, куда они попали прежде, чем меня объявили невестой, и человек, видевший там нужный бланк.

Глава 4. Я вам не невеста

К вечеру щёка перестала гореть, но в маленьком зеркале над умывальником я всё равно разглядела красную полосу. Смочила полотенце и подержала у лица, пока за дверью проехала тележка с посудой. Потом вернулась к столу. На кровати лежала юбка Клариссы, на стуле — разорванный камзол, возле лампы — записи со слов Леи. У девушки выходило, что Иветта заполняла заявку в тот самый день, когда меня ещё не пригласили даже на первую примерку. Значит, в зале начальница ничего не перепутала. Она уже знала, куда меня позовут.

В дверь постучали. Я накрыла бумаги чистым листом и только тогда открыла. Посыльный протянул плотный пакет и попросил расписаться; Агата прислала договор с гильдейской отметкой и записку, сложенную вчетверо. «Уголь взяла. За старую цену не дали, за новую пусть сами греются. Деньги получила. Не пойму, зачем управляющему твой договор, если у них есть свой. Напиши нормально». Ниже, уже другим пером, мать добавила: «Второй рукав на сером платье я закончила. Не надо присылать мне работу обратно».

Я убрала записку в карман и развернула договор. Там оставались всё те же четыре недели, плата за каждый законченный наряд, содержание во дворце и аванс. Перед подписью стояла строчка о переделках. За неё мы с Иветтой торговались дольше, чем за деньги: я не собиралась бесплатно перекраивать платье всякий раз, когда леди передумает есть булочки.

На последнем листе возле фамилии было маленькое чернильное пятно. Я наклонила бумагу к лампе. Тогда перо зацепилось за волокно, и я коснулась капли краем пальца. Из неё вытянулся короткий тонкий усик. На заявке я видела его тоже; в первый вечер узнала собственную подпись и не подумала, каким образом можно дважды поставить совершенно одинаковую кляксу.

При мне Иветта сняла себе полную переводную копию договора; лист, на котором я расписалась, отдала мне. Теперь нужно было сравнить его с заявкой. В копии, принесённой Томасом, писец просто написал моё имя своим почерком. Я встала. За дверью Лея ждала, когда я отдам юбку: её нужно было унести до того, как прачки начнут собирать бельё.

— Договор привезли, — сказала я. — Где сейчас господин Ренн?

Она взяла свёрток, заглянула через моё плечо на стол и перестала теребить завязку.

— Внизу. Только у него люди. Ты ведь не скажешь, что я...

— Скажу, что ты видела. Если он спросит. Выдумывать другой повод я не стану.

Лея опустила глаза. Обещать за Иветту или за весь дворец было нечестно.

— Попрошу, чтобы тебя не вызывали при начальнице. Мне нужен тот лист, который я видела на церемонии.

— Она может меня выгнать.

— Может попытаться. Я скажу господину Ренну, что после разговора тебя нельзя оставлять с этим одну.

Я взяла бумаги. Уже у лестницы услышала, как Лея догоняет меня; юбку успела отдать другой помощнице. Перед дверью Томаса она остановилась у окна. Я вдруг разозлилась сильнее, чем над бумагами: Иветта прекрасно знала, кому трудно спорить с ней.

Томас освободил стол от счетов, велел принести папку с заявками и перечитал слова Леи.

— Она уверена, что это был бланк для участницы?

— Теперь уверена. Узнала поля, когда я раскрыла копию. Тогда решила, что Иветта переписывает сведения для заказа.

— Её вызывали?

— Она за дверью. Поговорите с ней без госпожи Сар. И мне нужно, чтобы за этот разговор её не лишили места.

— Я поговорю с ней отдельно. Если госпожа Сар решит уволить помощницу, сначала придётся объяснить мне причину.

В папке лежала заявка с моей подписью. Томас вынул её, и я сразу указала на пятно. На договоре усик уходил влево от капли. На заявке — туда же, той же длины. Совпадал изгиб последней буквы, даже маленький пропуск, где перо перескочило через волокно. Я подняла листы к лампе, но управляющий забрал их.

— Дайте мне. Бумага тонкая, порвёте.

Он подложил светлый лист и придвинул светильник. Подпись на договоре блестела неровно; возле начала фамилии чернил было больше. На заявке она выглядела плоской. Томас позвал служащего из коридора. Тот принёс увеличительное стекло.

— Этот экземпляр из дома, — пояснил Томас. — Гильдия заверила его по журналу заказа. Посмотрите подписи.

Пожилой служащий с жёлтым пятном на указательном пальце склонился над столом. На моей бумаге показал след пера. Потом повернул заявку к свету и покачал головой.

— Перенос. Нажима нет, края равномерные. Через переводной лист можно снять часть записи, у нас так планы копируют. Здесь сняли подпись с пятном. Очень удобно, если получатель не просит договор.

В первый вечер я сказала «моя» так, словно знала о подписи всё. Лукасу этого хватило.

— Подтвердите письменно, — велел Томас.

— Конечно. Только я отмечу способ переноса, а не того, кто его сделал.

— Именно это и нужно.

Пока писец составлял заключение, я рассказала про последний лист договора, про выписку и ожидание в коридоре. Управляющий нашёл в заявке дату. Она совпадала с днём моего приезда для обсуждения заказа. Под гербом вверху стоял номер, который служащий сверил с журналом: заявку приняли от мастерской вечером, вместе с остальными бумагами отбора. Объяснить это ошибкой чужого писца становилось труднее с каждой строчкой.

— Я хочу получить всё обратно, — сказала я, когда Томас собирался убрать договор. — Мой экземпляр. И подтверждение того, что вы сейчас нашли.

— Заявка останется здесь. Договор вернут сегодня, когда снимут полную копию. Заключение выдадут тоже. Позовите помощницу.

Лея прошла в кабинет, не задавая вопросов. Я отошла к окну. Внизу зажигали фонари; дома мать закрывала ставни и считала, сколько свечей осталось. Я вдруг поняла, что могу оказаться там уже завтра. Забрать ножницы, сложить два своих платья, сесть в наёмную повозку. Никаких ширм, невест и рукавов, из которых вырывается жар. Следовало почувствовать облегчение. Я ждала его, глядя на тёмный двор, пока за спиной не открылась дверь.

Лея вышла, прижимая к животу сложенные ладони. Томас отпустил её и позвал меня обратно. Через несколько минут пришла Иветта. Обычно с нами она снимала очки, чтобы смотреть человеку в лицо. Сейчас стекло отражало лампу.

— Мне сказали, что нашли бумаги Неллы. Хорошо. Я просила канцелярию проверить ещё утром.

Томас предложил ей сесть. На столе уже лежали оба документа и короткое заключение писца. Иветта прочла его, взяла заявку за край, но управляющий попросил оставить лист на месте.

— Вы получили от госпожи Вейс договор и свидетельство. Заявку передали от вашей мастерской. Как её подпись оказалась под другим текстом?

— Бумаги готовят помощники. При большом числе приглашений бывают ошибки.

— Чьей ошибкой было копирование подписи?

Иветта посмотрела на меня. Хотелось отвернуться: я знала этот взгляд с примерок, когда она ждала, что младшая работница догадается замолчать. Я смотрела на её руки. На указательном пальце белел рубец. Мы занимались одной работой, и от этого мне становилось только противнее.

— Я не видела, кто копировал, — ответила она. — Возможно, в канцелярии решили, что документы неполные. Сведения о Нелле были приложены. Её дар подходит.

— Я не спрашивала, подходит ли мой дар, — сказала я. — Я просила вычеркнуть меня из отбора. Вы могли сказать в зале, что видели мой договор. Вместо этого объяснили, будто я не поняла условия.

— Вы были расстроены, Нелла. Я пыталась избежать неприятного разговора перед гостями.

— Для кого неприятного?

Томас чуть поднял ладонь. Мне очень не хотелось останавливаться, но голос уже делался громче, а Иветта сидела ровно, словно ей и требовалось, чтобы я начала кричать.

— Госпожа Сар, — произнёс управляющий, — до выяснения обстоятельств бумаги мастерской будут принимать через моих служащих. Сегодняшнее объяснение вы напишете и подпишете своей рукой. Экземпляр рабочего договора, который вы оставили себе, также передайте сюда. Если он не найдётся, это будет отмечено отдельно.

Иветта сняла очки. Я увидела, как она сжала дужку возле шарнира.

— Мастерская должна продолжать работу. Завтра пять примерок.

— Она продолжит. Рабочий заказ госпожи Вейс проверят по экземпляру с гильдейской отметкой. Лею Дим вы оставите на прежнем месте и с прежней платой. Любые изменения сначала согласуете со мной.

Теперь начальница поняла, что девушка рассказала. Не посмотрела на дверь, только медленно положила очки на колени. Томас позвал служащего, который принёс чистую бумагу. Мне вернули договор и обещанную копию заключения. В коридоре я обнаружила, что до боли прижимала к ладони край пакета.

Утром меня повели к герцогу раньше примерок. Щёка уже почти не отличалась от другой; помощник Бастиана вчера осмотрел её и велел не тереть. В сумке лежал новый рукав без отделки, который я собиралась показать лекарю. После разговора с Томасом дошла его из тех обрезков, что уже были отмерены.

Лукас стоял у раскрытого окна в тёмном домашнем камзоле. Ворот был мягкий, без серебра; возле кресла лежал футляр. Он обернулся, заметил мою сумку и предложил положить её на стол. Томас оставался рядом, с раскрытой папкой. Я присела в поклоне.

— Подпись на заявке перенесена с вашего договора. Подлог подтверждён. Ваше имя исключат из списка сегодня. Распорядитель уведомит участниц и тех, кто присутствовал на открытии.

Я всё ещё держала ручки сумки, боясь услышать новые условия.

— Что напишут в уведомлении?

Томас перевернул страницу и прочёл, что заявка подана без моего согласия, участие в отборе не соответствовало моей воле, а во дворец я приглашена для работы. Ни «отказалась после знакомства», ни «передумала». Я попросила себе копию. Управляющий кивнул.

— Осталось установить, кто сделал перенос, — добавил Лукас. — Госпожа Сар говорит об ошибке при оформлении. Бумаги будут проверены. Это уже не повод задерживать ваше исключение.

Он положил ладонь на спинку кресла и помолчал. Я приготовилась услышать, что нам всем следует забыть неприятность ради порядка, но герцог заговорил иначе:

— Вы сразу сказали мне правду. Я решил, что вы добиваетесь моего внимания. И позволил себе говорить с вами так, будто всё уже выяснил. Я был неправ. Прошу прощения, госпожа Вейс.

Он не посмотрел на Томаса, которому можно было поручить сгладить сказанное. Я вспомнила зал, запах цветов и свою иглу, оставленную за ширмой. Тогда мне так хотелось, чтобы кто-нибудь просто поверил.

— Хорошо, что вы теперь разобрались, — ответила я. — Но в следующий раз, если женщина говорит, что не приехала к вам замуж, можно хотя бы спросить, зачем приехала.

Лукас опустил глаза на сумку.

— С ножницами. Вы объяснили достаточно подробно.

Я невольно улыбнулась и тут же ощутила щёку. Он заметил движение.

— Ожог?

— Нет. Вчера посмотрели. Только покраснело.

Герцог отодвинул кресло, предложив мне сесть. Я поставила сумку и села, впервые не пытаясь оставить между собой и столом место для немедленного ухода. Томас положил передо мной рабочий договор. Рядом лежал ещё один лист, пока без подписи.

— За дни работы с вами рассчитались бы и при отъезде, — сказал управляющий. — Аванс останется у вас. С учётом ремонта и срочных переделок вы его уже отработали. Госпожа Сар получит запись. Если решите закончить работу здесь, взысканий не будет.

Деньги уже дома; матери не придётся возвращать конверт. Томас подвинул второй лист.

— Его светлость хотел бы сделать вам прямой заказ на защитную одежду. Начать с образцов. Плата за работу и материалы отдельно, расходы на неудачные испытания включены.

Лукас оставался возле окна. Пока управляющий говорил, он смотрел на бумагу, а теперь поднял глаза.

— Мне нужна одежда, которую можно снять во время приступа. И в которой не приходится выбирать, повернуть голову или поднять руку. Бастиан проверит всё, что касается защиты.

— Обычный ремонт или изменения?

— То, что вы сочтёте возможным после проверки.

Я достала рукав. Ткань без отделки выглядела бедно рядом с его камзолом; край я оставила разомкнутым и прикрыла узкой планкой. Лукас потрогал её кончиками пальцев. Я показала, где наружный слой должен отходить, не стягивая проводящую полосу, и объяснила, что пока сшила только форму. Внутренние волокна ещё нужно раскладывать заново на маленьких кусках.

— Это может ничего не дать, — предупредила я. — Красильный котёл греет иначе. Я не шила для дракона с такими приступами.

— Нынешние вещи тоже дают меньше, чем мне нужно.

Он отвёл руку. Я увидела красноватые пятна у костяшек и вспомнила, как он не мог расстегнуть крючок перед всеми. Я уже представляла, какой у него должен быть рукав. Теперь меня спрашивали, возьмусь ли я его сделать.

— Мне нужны точный состав пропитки и небольшие полосы из той же ткани, что идёт в ваши жилеты. Новый материал, не из старой одежды. И возможность записывать все пробы, включая неудачные. Чтобы потом никто не сказал, что я испортила сукно потому, что мало старалась.

Томас взял перо.

— Запишем. Что ещё?

— Я хочу сама выбирать помощницу. Если понадобится Лея, её время должно быть оплачено. И мне нужно разрешение забрать свои рисунки и образцы, если заказ закончится. То, что было в нашей мастерской до приезда сюда, остаётся нашим.

— Образцы для испытаний останутся у лекаря, — уточнил Томас. — Вам выдадут такие же куски и все записи. Семейные рисунки никто не забирает. Если дело дойдёт до большего заказа, использование способа обсудим отдельно.

Я посмотрела на Лукаса. Он ждал. Не сказал, что для швеи я прошу слишком много, не напомнил, сколько стоит его сукно.

— Я останусь, — произнесла я. — Но платья тоже нужно закончить. У Розалин манжеты смётаны, Мира ждёт перчатки. Если меня не будут перекидывать с одного заказа на другой посреди работы, я успею сделать образцы вечером.

— Сначала договоримся о времени, — сказал он. — Томас пересмотрит сроки с мастерской.

От этого простого ответа мне стало легче, чем от обещания денег. Томас добавил условия к листу и предложил прочесть целиком. Герцог сел напротив, пока я читала. У него возле большого пальца осталась потёртость от перчатки. За окном стучали колёса, наверняка можно было позвать повозку, и я ещё успела бы доехать домой к обеду. Вместо этого попросила уточнить оплату первой партии и взяла перо.

Когда поставила подпись, промокнула её сама. Лукас проследил за моей рукой, но не стал шутить. Томас приготовил второй экземпляр. Я прочла его тоже и расписалась, проверив, что на последнем листе стоит продолжение тех же условий. Про то, как он ждал, пока я дочитаю, я пока не собиралась писать матери.

В мастерскую уведомление пришло прежде меня. Иветта стояла у стола с журналом и зачитала его работницам, пока я входила. Голос у неё был обычный, деловой. Вчерашнее объяснение не помешало ей сказать «заявка подана без согласия госпожи Вейс» совершенно ровно. Кларисса, уже ожидавшая примерки, подняла подбородок; её компаньонка взяла со стула сумочку, будто теперь могла наконец остаться в комнате только с прислугой.

— Очень разумное решение, — сказала Кларисса. — Смешивать обязанности с участием было неудобно для всех.

— Мне тоже, — ответила я и повесила сумку на свой крючок. — Начнём с рукава. Вчера вы просили дать в локте больше свободы.

Девушка посмотрела на меня, но спорить о собственном локте не захотела. Я сняла новые мерки, распустила один шов и не сказала ни слова о том, кто ещё вчера держал горячую ткань. Лея подавала булавки молча. Иветта несколько раз подходила к нашему столу проверить платье; заявку больше не упоминала. Когда она ушла к другим работницам, девушка едва заметно коснулась моей руки. Я кивнула, и она впервые за утро занялась своим подолом, а не тем, в какую сторону смотрит начальница.

До вечера я закончила манжеты Розалин и одну перчатку Миры. Вторую оставила на утро: под новый заказ Томас выделил два часа, и я решила воспользоваться ими, пока не передумала из привычки. Подготовила несколько полос. Для первой повторила придворную укладку по уцелевшему краю подкладки. Во второй разнесла волокна веером, как мать делала в нарукавниках для работы у открытого котла. В месте, где проходил шов, оставила небольшой запас длины; при нагреве нити должны были двигаться, а не собирать край в тугий валик.

Первый кусок пришлось распороть. У самой середины я стянула стежок сильнее, чем хотела, и металлическое волокно выскочило под иглу. На пальце выступила точка крови. Я прижала её салфеткой, дождалась, пока перестанет пачкать, и начала заново. Лея сидела напротив,

подписывала куски и проверяла размеры. Я попросила не убирать неудачный: пусть Бастиан видит, где можно ошибиться.

Лекарь принял нас в маленькой комнате при палате. На столе стояли часы с секундной стрелкой, два одинаковых держателя и металлический поддон. Бастиан проверил каждый образец, выслушал объяснение про запас волокна и положил испорченный отдельно.

— Сегодня сравним только малый нагрев, — сказал он. — Одинаковая площадь, одинаковая пропитка. Что происходит снаружи, мне тоже нужно измерить. Если жар уйдёт в рукав и останется там, вашему заказчику легче не станет.

Я поставила сумку возле стены. Лукас вошёл, когда лекарь закончил крепить контрольную полосу. Я думала, он пришлёт Томаса за результатом; герцог подошёл сам и спросил, хватит ли места. Бастиан указал ему на свободный край стола, подальше от поддона.

— От вас короткий ровный огонь в приёмник. Дальше я ограничу подачу. Ткань на себе не проверяем.

Лукас снял перчатку. Я придвинулась, но лекарь остановил меня ладонью. Герцог положил руку на край металлической чаши; между пальцами и приёмником появился маленький огонёк. До этого я видела только жар, который он пытался удержать. Сейчас пламя стояло ровно, почти беззвучно, и он смотрел на него с такой сосредоточенностью, что я забыла про свои образцы. Потом Бастиан перекрыл заслонку, Лукас отнял руку, а огонь остался в закрытой чаше.

На контрольной полосе сперва ничего не менялось. Лекарь называл время, Лея записывала. Через двенадцать секунд возле крепления возникла бурая точка. На пятнадцатой нити стянулись, на семнадцатой край начал дымить. Бастиан остановил подачу и щипцами снял полосу. Я наклонилась, рассмотрела пятно: такое же начало узкой выгоревшей дорожки, как на камзоле. Лекарь отложил её, проверил прибор и дождался, пока остынет держатель.

Мой кусок я установила сама, потом уступила ему место. Он сверил положение, возобновил подачу. На десятой секунде край чуть отогнулся. Я вспомнила петлю на рукаве, застрявшую от жара, и сжала руки за спиной, чтобы не потянуться поправлять ткань во время пробы. Пятнадцать. Семнадцать. Лея посмотрела на меня и сразу вернулась к листу. Волокна держались.

— Двадцать, — произнёс Бастиан.

Бурая точка не появлялась. Наружные края понемногу темнели; лекарь проверил их прибором и велел мне остаться на месте. В двадцать четыре секунды он остановил подачу. Я выдохнула слишком громко. Лукас, стоявший напротив, посмотрел на меня, и мне стало смешно от того, насколько серьёзно мы все разглядывали клочок ткани меньше ладони.

— Ещё целый, — сказала Лея.

— Наружный край уже горячий, — ответил Бастиан. — Проба окончена. Нужно проверить, как он остывает, потом повторить на остальных. До одежды здесь далеко.

Я кивнула. На столе лежала дорогая полоса, которая не выдержала семнадцати секунд, и моя, остановленная на двадцать четвёртой. Может быть, во второй раз всё выйдет иначе. Может быть, на большом рукаве жар соберётся у плеча и придётся распаривать уже его. Я знала, сколько неудач помещается между таким клочком и вещью, которую можно отдать человеку, но сейчас очень хотелось позвать мать и показать ей именно эти две полосы.

Лукас взял со стола чистый лист и положил возле меня, подальше от мокрого поддона. Я записала время, начала рисовать потемневшие края. Он не ушёл, хотя смотреть больше было не на что; ждал рядом, пока Бастиан проверял остывающую ткань. Я обвела на рисунке неровную строчку, которую собиралась потом переделать, но теперь решила сохранить на образце. Сегодня этот некрасивый шов выдержал дольше безупречной придворной работы, и впервые за все дни во дворце мне хотелось дожидаться следующего утра не для того, чтобы поскорее закончить заказ.

Глава 5. Платье для соперницы

Наутро Лея принесла мне перчатку Миры, хлеб и записку от Бастиана, причём хлеб положила поверх записки, чтобы не потерять ни то ни другое. Лекарь просил повторить вчерашнюю укладку на трёх полосах, не менять состав пропитки и оставить свободный край такой же ширины. Я прочла, отряхнула крошки и приколола лист возле рисунка. Двадцать четыре секунды всё ещё казались чем-то большим, чем были на самом деле. Я даже успела представить новый жилет целиком, хотя не знала, выдержит ли второй кусок столько же, сколько первый.

Мира зашла за перчатками до завтрака. Натянула законченную на левую руку, подвигала пальцами и спросила, нельзя ли вторую сделать посвободнее: после недавней пробы ей мерещилось, будто что-то сдавливает запястье. Я добавила немного в застёжке и велела принести обе, если неудобство останется.

— Господин Рук сказал, следующая проба не раньше чем через три дня, — сообщила она, разглядывая пальцы. — Розалин ещё не прошла свою. Вы будете там?

— Если лекарь попросит.

Мира кивнула. Я отдала ей вторую перчатку и попросила не носить их весь день, чтобы застёжка не натирала. У двери девушка пропустила Клариссу с компаньонкой. Я успела доесть половину хлеба; остальное Лея спрятала под салфетку.

Кларисса принесла рисунок. На нём женщина в кремовом платье стояла вполборота, положив руку на предплечье мужчины. Мужчине не нарисовали лица, зато добавили серебряную отделку на рукаве. Девушка развернула лист передо мной и сняла короткую накидку. Вчера мы уже подгоняли её другой наряд; теперь она хотела именно этот, к следующей встрече с герцогом.

— Здесь лишнее, — она указала на узкие кружевные петли у запястья. — И в локте не должно собираться. В прошлый раз я запуталась, потому что платье было сшито неудобно.

Каблук мог зацепиться за складку при любом крое, если шагнуть назад, не подхватив юбку. Я не стала объяснять. Кларисса положила пальцы на нарисованную мужскую руку.

— Нужно, чтобы я могла держать его под локоть. Без этих топорщащихся манжет. Понимаете?

— Понимаю, как убрать складки. Для этого рукав должен оставаться свободным, даже если на рисунке его прижали к коже.

— Не хочу свободный. Он выглядит так, будто платье мне велико.

Лея достала отрез, который Кларисса выбрала раньше. В складках кремовый шёлк делался почти золотистым и прекрасно подходил к медным волосам. Я приложила ткань к её плечу, отвела край и представила эту же складку возле тёмного камзола Лукаса. На столе всё ещё лежал рисунок; тонкие пальцы художник изобразил точно. Я посмотрела на них слишком долго и повернула лист лицом вниз.

— Я сделаю рукав гладким снаружи, — сказала я. — Запас уйдёт под руку. Здесь будет короткая складка, которую не видно, пока вы не согнёте локоть. Подол спереди поднимем. Сзади оставим длину, если вам нужен шлейф.

— Нужен. Только не такой короткий, как у Розалин.

— Леди Фер просила платье для ходьбы.

— У неё на всё очень скромные просьбы, — заметила компаньонка.

Я взяла мерную ленту. Кларисса встала на низкий помост и подняла волосы, чтобы я могла проверить горловину. Шея у неё была красивая, прямая. Я попросила опустить плечи. Девушка повернулась к зеркалу, улыбнулась собственному отражению и спросила, нельзя ли ещё немного убрать ткань над грудью.

— Можно. Спереди вы стоите, а не наклоняетесь. Проверим в движении.

Кларисса наклонилась, держась за край помоста. Шёлк соскользнул, Лея успела подхватить его. Я отметила новое положение горловины и вернула прежнюю высоту на полпальца. Девушка посмотрела на меловую черту.

— Вы совсем чуть-чуть изменили.

— Больше не нужно. Иначе вместо разговора вам придётся всё время поправлять платье.

Она подумала и согласилась. Я могла сделать так, чтобы край отставал, когда Кларисса протянет руку. Могла оставить припуск в неудобном месте и потом честно объяснить, что мы следовали рисунку. От этой мысли мне захотелось убрать собственные руки от ткани. Я опустилась возле подола и попросила девушку постоять спокойно, пока отмечаю длину.

Когда Кларисса ушла, на столе остались рисунок, шёлк и её запах — пряный, с чем-то горьковатым. Я расправила отрез. Крой был хороший, если исправить рукава. Шёлк послушно ложился под пальцами, линия талии выйдет без тяжёлой тесьмы. Я провела мелом первую черту и вдруг с раздражением поняла, что платье получится действительно красивым.

Иветта появилась, когда я разложила детали на ткани и попросила Лею придержать край. Начальница положила между нами график: после обеда помощница понадобится старшей работнице, которая не успевала закончить юбку Сабины.

— У Леи с четырёх до шести работа по прямому заказу его светлости, — напомнила я. — Господин Ренн вписал её часы. До этого она нужна мне на примерке Клариссы.

— Теперь у нас у каждой помощницы особые условия?

Лея продолжала держать ткань. В её пальцах не было свободного места: отпустит — край уйдёт под ножницы. Я заговорила, пока девушка не решила всё бросить и уйти к Сабине.

— С двух до трёх может помочь с юбкой. Мы к тому времени закончим. Я отмечу в вашем графике.

Я отметила время в графике. Томас отвёл нам отдельные часы, но пользоваться ими приходилось каждый раз заново, как правом на стол, который другие уже успели занять.

— Результаты вчерашней пробы передайте мне, — сказала Иветта. — Я подготовлю сообщение в гильдию. Работа выполнена здесь, с нашими материалами.

— Записи у господина Рука. Пробу ещё нужно повторить. Сообщать не о чем.

— Дорогая, вы не обязаны оценивать, что следует сообщать начальнице. Первые результаты уже есть. Я напишу об улучшении защитного слоя в придворной мастерской под моим руководством.

Вчера кусок дрожал у меня в пальцах, пока мы крепили его к держателю. Иветта в тот вечер даже не спросила, что вышло.

— Вы можете написать, где состоялась проба и откуда взяли ткань, — ответила я. — Укладка моя. В записи нужно оставить моё имя.

Иветта посмотрела поверх очков.

— Лея тоже участвовала. Вы её имени не требуете?

— Требую. Она готовила полосы и записывала время. Если будет отчёт, у каждого должно быть написано, что он делал. Я передам господину Ренну.

Мне не хотелось узнавать из гильдейского письма, что моя работа стала удачной мыслью начальницы. Иветта свернула график, велела убрать остатки ткани после раскроя и ушла. Лея выдохнула так, будто всё это время удерживала не шёлк, а тяжёлый сундук.

— Она напишет всё равно, — сказала девушка.

— Тогда мы напишем тоже. Подержи ещё немного, осталось плечо.

У самого края я нашла длинную затяжку. Медная нить, вплетённая для блеска, вышла из полотна и зацепила соседние. Шёлк лежал до моего приезда; кто его потянул, уже не узнать.

Я сдвинула выкройку, но второй рукав теперь не помещался рядом с первым. Лея принесла бумагу, мы обвели повреждение. Иветта велела считать каждую пядь. Я тоже считала: за испорченное место платить заказчице было нельзя, на обход затяжки работница тратила свой вечер.

К полудню были вырезаны все детали, кроме одного рукава. На него пришлось взять край следующего отреза. Я записала длину, приложила маленький образец с затяжкой и попросила Иветту отметить расход. Она взяла журнал, перечитала запись, потом взглянула на меня.

— Можно было пустить повреждение в шов.

— Оно захватит линию сгиба. Через несколько движений рукав расползётся.

Иветта заставила показать детали и только потом поставила отметку. Розалин уже ждала. Лея отправилась к Сабине раньше: та прислала служанку спросить, неужели её платье менее важно. Я перенесла примерку к ширме, чтобы не убирать пол стола.

Леди Фер сразу заметила шёлк. Спросила, для кого кремовое платье, и при слове «Кларисса» лишь кивнула. Зелёный наряд сидел на ней хорошо; я застегнула законченные манжеты, проверила, не цепляется ли внутренняя пуговица за шов. Розалин двигала руками, пока я смотрела на линию плеча. Стоило ей повернуться, как на столе снова показался рисунок с чужими пальцами на мужском рукаве.

— Вы что-то хотите переделать? — спросила она.

— Нет. Ваше плечо лежит правильно.

— Тогда зачем вы третий раз его разглаживаете?

Я убрала руку. Розалин посмотрела на кремовые детали, потом на меня; выражение лица у неё стало осторожнее.

— Сегодня много примерок.

— Вижу. Мира сказала, вы отдали ей перчатки до завтрака. А Кларисса ещё принесёт вам работу, когда это платье будет готово. Она всегда считает, что наряд можно улучшить, если кто-нибудь задержится после ужина.

— На этот раз больше опускать ворот не будем.

Розалин улыбнулась. Я поправила нижний край манжеты.

— Вы ведь уже можете отказаться от её заказа? — спросила наконец.

— Могу попросить передать другой работнице. Только там есть что переделать. Она должна свободно поднять руку и не зацепиться подолом.

— И вы хотите сделать хорошо.

— Я за это получаю деньги.

Розалин потёрла большим пальцем новую пуговицу и посмотрела на меня так, будто ей знакома привычка прятаться за самой простой причиной.

— У нас ткачиха однажды всю ночь переделывала край покрывала для женщины, которую терпеть не могла. Та обещала купить три, потом взяла одно и ещё попросила скидку. Ткачиха так и сказала: «Не дам ей повода рассказывать, что мы плохо работаем». Мать в шутку предлагала распороть внизу несколько ниток.

Я рассмеялась прежде, чем успела подумать, прилично ли это здесь. Розалин поправила манжету.

— У вас хотя бы не заказали три платья по цене одного.

— Пока нет. Не подавайте им мысль.

Я завернула оставшуюся полоску зелёного шёлка, которую она попросила забрать: ткань пригодится дома. Розалин поблагодарила и вышла. Она так и не спросила, почему меня задел именно рисунок Клариссы, а я была ей за это благодарна. Когда вернулась к столу, разложила детали рукава и убрала лишнюю булавку из мягкой складки. Вещь не виновата, что её хозяйке хочется держать Лукаса под руку.

В четыре Лея вернулась с красными глазами. Сказала, что долго смотрела на белое кружево, и поставила коробку материалов с отметкой управляющего. Я не стала расспрашивать при остальных. Отдала ей кружку и принялась искать проводящие полосы. Серого полотна было с небольшим запасом. Я отрезала первый квадрат.

На втором волокна легли слишком близко. Я заметила это, только когда протянула последнюю нить. Она потянула за собой соседнюю, край пошёл мелкими морщинами. Можно было оставить так и надеяться, что натяжение выровняется в держателе. Я положила испорченный кусок отдельно. Ткань стоила как переделка двух простых платьев. За неё платил заказчик, но смотреть на собственную ошибку приятнее не становилось.

— Дай сюда, — попросила я Лею. — Будем считать промежутки вдвоём. Я после шёлка не вижу.

Она подвинулась, и мы разложили волокна заново. Дар удерживал их на месте, но тонкую металлическую нить хотелось натянуть. Пришлось несколько раз отпускать пальцы. Потом я сметала две части кремового рукава: знакомая работа немного успокаивала.

Лея выпила воду и сама заговорила о Сабине. Старшая работница велела передать ей, что для новых любимиц график, видимо, не действует. Девушка не поняла, имеют в виду её или меня, и от этого обиделась сильнее.

— Госпожа Сар ей сказала, что я ушла? — спросила она.

— Наверняка увидела, когда ты вернулась сюда. В графике есть твои часы. Ты их отработала.

— Я знаю. Она бы на меня так не говорила, если бы не...

Лея замолчала. Я сняла с ткани длинную иглу и убрала в подушечку.

— Ты можешь не помогать мне с образцами. Господин Ренн разрешил выбрать помощницу, но это не значит, что ты обязана терпеть из-за меня.

— Тогда они решат, что я испугалась.

— Ты и испугалась. Я позавчера тоже боялась открывать дверь к Томасу. Мы ведь всё равно открыли.

Она потёрла лоб, оставив на коже светлый след. Я подала ей салфетку. Лея вытерлась, затем переложила подготовленные полосы на чистую бумагу и начала подписывать.

Чуть позже в коридоре застучали тяжёлые шаги. Двое носильщиков шли к лечебному крылу, третий человек нёс накладную. Один поставил длинный ящик возле двери мастерской, чтобы перехватить ручку. Лея вернулась от двери.

— Опять вставки привезли. Только ящик другой.

— Для господина Рука?

— Да. В прошлый раз я относила к нему лоток, когда носильщик перепутал коридор. А этот вдвоём тащат, и один уже ругался на лестнице.

Я подошла к двери. На ящике стояло знакомое имя поставщика, под ним — номер партии и «кварцевые вставки, двенадцать». Лея сказала, что в прежнем лотке было столько же. Носильщик поднял груз; металл внутри коротко ударил о стенку. Мы отошли, не мешая пройти.

— Может, держатели тяжелее, — сказала я.

— Там написано «вставки». Держатели всегда отдельно.

Она вернулась к столу, взяла бумагу и записала номер, пока не забыла. Я предложила спросить помощника Бастиана, когда отнесём образцы. Человек с накладной тем временем остановился у Иветты. Начальница поставила свою отметку о проходе груза и велела сразу доставить в палату. Всё было так буднично, что я перестала смотреть.

Когда мы отнесли полосы, помощник лекаря принял их и записку. Бастиан ещё осматривал Лукаса, повторную пробу назначили на утро. Новую партию проверяют при разборе. В накладной был указан прежний вид вставок. Я попросила передать лекарю, что упаковка показалась Лее тяжелее обычной, и добавила: ящик мы не открывали. Помощник записал это рядом с номером. Лея проследила, чтобы цифры совпали, и мы вернулись за кремовым платьем.

Кларисса пришла ближе к семи. Лея придерживала недошитый подол, а я закрывала боковой шов булавками. В мастерской уже убрали половину ламп; через окна ещё хватало света для примерки. Платье получилось таким, каким я его видела утром. Шёлк шёл плавно от плеча к талии, узкая складка под локтем исчезала, когда девушка опускала руку. Компаньонка первая сказала, что цвет удачный.

Я попросила леди протянуть левую руку, затем согнуть. Кларисса сделала это легко. Подол не уходил назад, горловина оставалась на месте. Я вытянула из складки временную нитку, и девушка снова повернулась к зеркалу.

— Вот так и нужно было сразу, — произнесла она. — Только здесь, кажется, слишком просто.

Она коснулась открытого запястья. Я предложила узкую отделку, пришитую к ткани по всей длине. Кларисса хотела свободное кружево, как на рисунке, но я напонила, что утром она сама просила убрать петли. Компаньонка вмешалась: кружево должно придать наряду нежность.

— Оно зацепится за крючки, — объяснила я. — У его светлости застёжки и на манжете. Вы просили платье, в котором удобно держать его под руку.

Кларисса подняла на меня глаза. Я поправила край, не позволяя себе посмотреть на рисунок. Девушка медленно согнула локоть и улыбнулась.

— Да. Именно так. Оставим вашу отделку.

Я вынула булавку и уколола себя в подушечку пальца. Кларисса ничего не заметила, Лея заметила всё. Подала салфетку и отвернулась к юбке. Я дождалась, пока кожа перестанет кровить, потом закончила отмечать застёжку. Ткань осталась чистой.

Девушка сняла платье за ширмой. Я получила его, осмотрела швы и велела завтра придти после обеда: раньше не будет готово. Кларисса ушла; её компаньонка спросила у Иветты, не забыл ли распорядитель назначить встречу перед следующей пробой. Начальница обещала уточнить. Мне хотелось, чтобы они обсуждали это где-нибудь подальше от нашей ширмы.

К восьми ушла и Иветта. Напомнила, что двери закроют в девять, если я собираюсь опять задерживаться, и забрала журнал. Я посмотрела на часы, отложила платье и попросила Лею проверить коробку с инструментами. На сегодня у неё всё. Она не любила уходить, пока другая работница сидит над её стежками, но осталось немного. Я дала ей свой недоеденный хлеб, теперь уже подсохший, и посоветовала попросить на кухне суп, пока его не унесли.

Мы уже собирали обрезки, когда в дверях появился Томас. За его плечом стоял Лукас, без перчатки на правой руке. Управляющий спросил, не поздно ли; я посмотрела на платье, в которое ещё собиралась вернуть иглу, и кивнула, прежде чем сообразила, на какой вопрос отвечаю.

— То есть можно, — исправилась я. — Я ещё здесь.

Томас отпустил Лею ужинать и остался у двери. Герцог прошёл между стойками, оставившись возле свободного стула. На нём лежал чехол. Я убрала его, заметив, как Лукас бережёт левый бок, и предложила сесть. Он сел без спора. От этого я почувствовала себя гораздо спокойнее, чем если бы он уверил, что прекрасно стоит.

— Полосы у Бастиана, — сказала я. — Он будет проверять завтра.

— Знаю. Я хотел увидеть рукав. Тот, который можно раскрыть.

Я достала образец из сумки. Лукас положил его на стол, проверил край, попробовал отвести планку одной рукой. Она поддалась, но у самого сгиба нитка зацепилась за стежок. Я потянулась помочь и остановилась: он уже нашёл место сам. Поднял на меня глаза.

— Здесь помешает, если придётся снимать быстро.

— Я оставила старую смётку. Сейчас уберу. На готовой вещи её не будет.

Распарыватель у меня лежал под кремовым платьем. Лукас придержал сползавшую ткань. Шёлк собрался возле его ладони, и я вдруг увидела то, что с утра упорно представляла. Только чужих пальцев на его рукаве не было: моё платье он удерживал для меня.

— Спасибо. Положите сюда, я ещё не закрыла этот шов.

Он переложил ткань осторожнее, чем делали многие заказчицы. Я вынула нитку из образца и протянула ему. Вторая попытка вышла гладко. Лукас повторил движение, потом спросил, не слишком ли легко планка отходит при обычном сгибании. Пришлось объяснить, где будет дополнительный крючок и как его расположить, чтобы не прижимать к горячей полосе. Герцог слушал, проверяя рукой каждое место. Я не забирала рукав, пока он сам не положил его на стол.

— У вас ещё работа? — спросил он, глядя на кремовый шёлк.

— Подол леди Крейс. Немного осталось.

Я ждала, что теперь Лукас поднимется. Но он отодвинул стул, чтобы я могла сесть возле лампы, и устроился с другой стороны стола. Томас заглянул из коридора. Герцог сказал, что через несколько минут выйдет, и управляющий отошёл к окну. Я взяла платье на колени, нашла последний стежок. Из-под ткани торчала нитка, которую Лея оставила подлиннее, чтобы мне было удобно продолжить.

— Я могу прийти утром, — произнёс Лукас. — Для примерки наружного рукава. Бастиан обещал быть рядом.

— Утром здесь будут леди Летт и леди Мор. Они уже перенесли один раз. После обеда свободнее.

— Свободнее, чем сейчас?

Я посмотрела на пустые столы. В соседней комнате работницы смеялись, собирая последние вещи; хлопнула крышка сундука. Лукас проследил за моим взглядом и положил ладонь возле образца.

— Сегодня вы не пытаетесь одновременно ответить мне и человеку за ширмой.

Я улыбнулась, уводя иглу в ткань.

— Вечером я ещё могу забыть вытащить иглу из шва. Вы видели, как я работаю после целого дня.

— Видел, как вы её находите. Не заставляйте меня угадывать, госпожа Вейс: вы не хотите вечернюю примерку или устали?

Вопрос был почти моими собственными словами, сказанными при первой примерке. Я подняла голову. Лукас смотрел на меня, не улыбаясь, но у рта появилась знакомая складка. Хотелось ответить так же резко, как тогда. Почему-то не вышло.

— Сегодня устала. Завтра могу оставить полчаса после остальных. Если мы договоримся заранее и мне не принесут ещё три платья.

— Договоримся. Томас уточнит время с Бастианом. Я хотел бы прийти, когда мастерская опустеет.

Он остался сидеть, пока я делала последние стежки. Разговор не продолжался, и я уже собиралась предложить ему не ждать, но вдруг заметила, что почти не тяну нить. Подол ложился ровно, край не собирался. Лукас держал рукав за планку и беззвучно проверял застёжку; над столом горела лампа, в коридоре Томас переворачивал страницу. Когда я закончила, герцог встал и отдал образец. Ткань ещё была тёплой от его ладони. Я убрала рукав,

потом записала возле завтрашних примерок ещё одну — его. В этот раз сама, на своём листе, оставив полчаса, которое уже не хотелось отдавать ничьему платью.

Глава 6. Ночные примерки

С утра Одри Летт передумала насчёт ленты на пояс. Вчера она хотела серебряную, теперь серебро старило её кожу, а золотистый шёлк мы уже отрезали для другой участницы. Я приложила оба кусочка к платью и предложила выбрать у окна. Пока леди решала, Сабина Мор прислала служанку спросить, сколько ещё ждать. За моей спиной Лея держала коробку с булавами; на крышке лежала записка Томаса с временем вечерней примерки. Я иногда смотрела на сложенный край бумаги, словно там могли отменить встречу, пока я занята чужим поясом.

К полудню мы закончили обе примерки. Одри вернулась к серебру, Сабина разрешила поднять юбку на палец и ушла, не взглянув на собственные туфли. Я взяла записи и пошла к Бастиану. Полосы он уже проверил. На листе стояли три числа: двадцать три, двадцать четыре, двадцать четыре. Контрольная ткань начала дымить на семнадцатой секунде.

— Остывают медленнее, чем хотелось бы, — сказал лекарь, раскладывая куски на столе. — Но жар не собирается в одну точку. Пока можете работать над формой наружного слоя. Внутренний на человеке не меняем.

Я перевернула образец. У края волокна слегка разошлись, в середине лежали ровно. Записала замечания. Спросила о партии, которую вчера заметила Лея. Лекарь показал ящик у дальней стены: часть веса давала новая металлическая обивка, однако сами вставки тоже отличались от прежних. Помощник сверял их с ведомостью, Бастиан собирался проверить, как они принимают и отдают жар. До этого оставили старый запас.

— Хорошо, что номер записали, — добавил он. — Я сам мог получить только лоток, без ящика. Сейчас не трогайте их. У вас другая работа.

Внизу листа Бастиан подписал, кто готовил укладку, кто собирал образцы и кто проводил пробы. Лекарь велел отдать полную копию Томасу, а ещё спросил, не понадобится ли нам отдельная комната.

— В мастерской у меня стол. Иветта разрешила оставить рисунки.

— До вашего стола отсюда две лестницы и длинная галерея. Ради мерок я пройду. Ради приступа хотел бы путь короче.

Я посмотрела на дверь. Во время первой примерки лекарь успел быстро вернуться из соседней палаты; в мастерскую ему пришлось бы бежать. Вчера Лукас пришёл туда сам. Мне было приятно, что он остался, и от этого сейчас особенно не хотелось спорить о расстоянии.

Томас вошёл с двумя письмами, выслушал Бастиана и предложил комнату рядом с палатой. Там держали перевязочное бельё, но большую часть уже перенесли. За дверью оказались стол, два стула и шкаф с простынями. Возле окна стояли деревянные ящики; до света пришлось бы тянуться через них.

— Ящики нужно убрать, — сказала я. — Стол поставить к окну. И лампу слева, чтобы рука не закрывала шов. Шкаф можно оставить, только мне нужна полка, которая закрывается.

Томас обещал к вечеру принести ширму и зеркало. Я попросила оставить крючки возле двери: мокрый холст нельзя бросать поверх ткани. Бастиан показал, куда поставить поддон, и вернулся к своим записям. Управляющий задержался у окна.

— Это будет ваше рабочее место для заказа его светлости. С платьями вы остаётесь в общей мастерской. Время переходов учтём.

Мне захотелось сразу расставить здесь всё по-своему. Я удержалась: в старой мастерской ждала Кларисса. Её кремовое платье уже висело в чехле, отделку я пришила утром между приходами служанок.

К четырём комната пахла вымытым деревом и лекарственной травой из соседней палаты. Стол поставили так, как я просила, на шкафу появился небольшой замок. Лея положила внутрь проводящие полосы. Мы развернули ширму, чтобы оставить проход, а зеркало прислонили к стене, пока не пришёл плотник.

— Ты теперь здесь всё время будешь? — спросила Лея.

— На примерках герцога. И когда работаю с пропиткой. Здесь не придётся каждый раз накрывать чужие платья.

Она посмотрела на свободный стол с таким удовольствием, что я рассмеялась. Мы раскладывали вещи вдвоём и ни разу не убрали иглу ради чьей-нибудь чашки. Я положила ножницы справа от себя, и Лея молча передвинула к ним маленькую подушечку, которую я всё время теряла среди ткани.

Из старой мастерской принесли ещё одну стойку и синий камзол. Его рукав я починила после малой пробы, оставив новый наружный шов свободнее. Внутреннюю полосу Бастиан проверил отдельно. Для сегодняшней примерки я приготовила простой рукав из полотна с длинной планкой: нужно было подобрать положение застёжек, не надевая новую защиту. Две пригоршни металлических крючков выглядели на столе почти одинаково. Различие в два ногтя решало, сможет ли Лукас подцепить нужный одной рукой.

Томас пришёл, когда мы закончили. Отдал мне ключ, попросил не оставлять при выходе включённую лампу и подтвердил, что копию записи Бастиана получил. В гильдию ничего не отправят до повторных проверок; если понадобится сообщение, авторство в нём останется. Я поблагодарила. Управляющий посмотрел на аккуратно разложенные крючки и предупредил, что испытательный прибор будет храниться у лекаря.

К вечеру Лея вернулась в мастерскую закончить свои стежки на юбке Сабины. Я отнесла в палату два пакета влажного холста, получила обратно с отметкой Бастиана и поставила рядом с поддоном. Потом села писать матери. Агата уже знала про договор, деньги и уголь, а про заявку я всё ещё молчала. Написала, что меня по ошибке внесли в список участниц, бумаги проверили, теперь я работаю по отдельному заказу. Перечитала «по ошибке» и зачеркнула. Мать могла пережить подлог. Вот эту осторожную маленькую ложь она бы прочла первой.

Я попросила поискать прежние образцы нарукавников, только не вынимать тяжёлую коробку самой. Решила забрать их, когда смогу заехать. До четверти восьмого оставалось достаточно времени поужинать; я пошла на кухню, съела тёплую похлёбку и вернулась, не принеся тарелку к работе. От этого вечер казался непривычно свободным. Я даже успела распустить косу и заплести заново, вытащив из волос короткую белую нитку.

Лукас вошёл вместе с Бастианом. В новом зеркале сначала появился лекарь с футляром, потом плечо герцога. Я поднялась. Томас оставил за дверью бумаги, которые принёс с собой, и спросил, понадобится ли помощь. Бастиан сказал, что пока достаточно нас троих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.